

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Предпринимательское и трудовое право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Общая характеристика источников правового регулирования предпринимательской деятельности

Студент

А.Ю. Борзов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат экономических наук, доцент Е.В. Чапурина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретический анализ источников правового регулирования предпринимательской деятельности.....	9
1.1 Понятие источников правового регулирования предпринимательской деятельности.....	9
1.2 Понятие и история становления системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности	18
Глава 2 Система источников правового регулирования предпринимательской деятельности.....	32
2.1 Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры как источники правового регулирования предпринимательской деятельности.....	32
2.2 Внутригосударственные источники правового регулирования предпринимательской деятельности.....	42
2.3 Значение правовых обычаев и обыкновений в регулировании предпринимательской деятельности.....	52
2.4 Акты Конституционного Суда РФ и высших судебных инстанций в правовом регулировании предпринимательской деятельности.....	62
Глава 3 Некоторые проблемы формирования системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности	71
3.1 Формирование системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики	71
3.2 Проблемы формирования источников правового регулирования в отдельных сферах предпринимательской деятельности	78
Заключение	84
Список используемой литературы и используемых источников.....	87

Введение

В отечественной доктрине можно обнаружить достаточное количество работ, посвященных рассмотрению источников права, поскольку для разрешения любой юридической задачи необходимо выявить общеобязательные правила поведения, подлежащие применению. В части выявления норм права, применимых при регулировании предпринимательской деятельности, поиск не является простым в силу уникальности предпринимательских правоотношений. Эта уникальность проявляется в том, что в нормах предпринимательского права органично сочетаются частноправовые и публично-правовые начала, что свидетельствует о сближении частного и публичного права при регулировании деятельности с участием предпринимателей. В юридической литературе присутствует несколько точек зрения относительно категории «источник» права, что также не добавляет ясности, поскольку его называют и явлением, порождающим нормы права, и формой закрепления правовых норм, и отождествляют «форму» и «источник» ограничивая их только позитивным правом. Все это свидетельствует об актуальности исследования темы. Другой аспект актуальности связан с практической стороной вопроса, поскольку предприниматели, вступая в гражданский оборот, формируют систему рыночных отношений, которая является основой правового регулирования.

Цель исследования заключается в том, чтобы провести комплексное исследование источников правового регулирования предпринимательской деятельности, в выявлении проблем, возникающих в рамках формирования системы источников предпринимательского права на современном этапе развития гражданского оборота.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

проанализировать понятие источников правового регулирования предпринимательской деятельности;

проанализировать понятие и историю становления системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности;

рассмотреть общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в качестве источников правового регулирования предпринимательской деятельности;

рассмотреть внутригосударственные источники правового регулирования предпринимательской деятельности

рассмотреть значение правовых обычаев и обыкновений в регулировании предпринимательской деятельности

проанализировать место актов Конституционного Суда РФ и высших судебных инстанций в правовом регулировании предпринимательской деятельности

рассмотреть некоторые проблемы формирования системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности.

Объект исследования: общественные отношения, складывающиеся в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности.

Предмет исследования: нормы, закрепленные в источниках правового регулирования предпринимательской деятельности.

Степень разработанности темы исследования: общая характеристика понятия и системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности была предметом рассмотрения в работах, таких ученых как: В.А. Вайпан, Р.Н. Данелян, В.А. Лаптев, А.В. Михайлов, Н.В. Рубцова, Л.П. Чумакова и других авторов. Исследованию проблем формирования системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности посвятили свои работы: Т.Н. Иванова, Х.В. Идрисов, О.А. Кузнецова, М.В. Мажорина и другие ученые.

Научная новизна исследования выражается в подходе к исследованию, который основан на взаимосвязанном системном анализе источников правового регулирования предпринимательской деятельности, взаимосвязанному исследованию нормативных правовых актов международного и внутригосударственного законодательства в сочетании с исследованием правовых обычаев и судебной практики.

Положения, выносимые на защиту:

– считаем возможным отказаться от идеи кодификации предпринимательского законодательства;

– необходимо признать, что важным регулятором предпринимательской деятельности являются, наряду с внутригосударственным правом, нормы наднационального и международного права, поскольку особенностью современного регулирования предпринимательской деятельности является формирование вненационального права и его значение в качестве применимого права к международным предпринимательским договорам. Возможность использования вненациональных норм в качестве применимого права провозглашается в документе Международной торговой палаты «Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам». На данном этапе развития оборота является необходимым предоставление участникам предпринимательской деятельности, при заключении договора или в последующем, возможности выбрать по соглашению между собой право или систему норм, применение которой не будет противоречить императивным нормам. Предлагаем следующий алгоритм реализации такой возможности: стороны, заключая контракт, включают в его текст одну из проформ или оговорку о применении норм вненационального «неправа», например, Принципов УНИДРУА вместо норм национального права, руководствуясь только лишь принципов автономии воли сторон. Далее сторонам необходимо включить в

контракт арбитражную оговорку, чтобы открыть возможность применить к спору указанные в контракте неправовые нормы;

– необходимо обеспечить соответствие норм внутригосударственного права, регулирующих предпринимательскую деятельность и устанавливающих публичные обязанности предпринимателей, критериям правовой определенности, а также признать, что судебный прецедент может только тогда быть признан источником права, когда в нем будет содержаться новое правило, не предусмотренное законом;

– следует признать появление такого нового источника правового регулирования предпринимательской деятельности, как право цифровых платформ, под которым мы понимаем совокупность норм, обеспечивающих возможность использования цифровых процессов, ресурсов, сервисов на основе цифровых технологий большим количеством субъектов в отдельных областях предпринимательской деятельности и обеспечивающих взаимодействие указанных субъектов.

В качестве методов исследования выступили метод системного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический и исторический методы.

В качестве нормативной основы выступили: международное, зарубежное и внутригосударственное законодательство, судебная практика, правовые обычаи и обыкновения.

Эмпирическую базу исследования составили труды российских и зарубежных авторов в части исследования источников правового регулирования предпринимательской деятельности.

Научно-теоретическая значимость исследования заключается в том, что с точки зрения теории предпринимательского права оно позволяет получить представление об исследуемой категории. В частности, автором были получены выводы о том, что понятие «источник» и «форма» не являются синонимами, в связи с тем, что у указанных терминов различное этимологическое содержание: источник означает место, где что-либо

начинает свое распространение, рождается, в нашем случае, источник – это то, из чего возникает право, а под формой понимается внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Автор также пришел к выводу, что развитие экономических отношений требует совершенствования правовых норм, но не посредством кодификации, поэтому мы не являемся сторонниками принятия единого кодифицированного акта в области правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследование ряда результатов кодификации норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, показывает, что они не охватывают целиком весь нормативный материал о предпринимательстве, во всех случаях для регулирования предпринимательских отношений привлекается гражданское законодательство, а также используются публично-правовые институты.

С точки зрения практической значимости ценность представляют выводы, предложения и рекомендации. В частности, автор предлагает внести в п. 1 ст. 1210 Гражданского кодекса РФ изменения и изложить его в следующей редакции: «... 1. Стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право или систему норм, применение которой не будет противоречить императивным нормам, и которые подлежат применению к их правам и обязанностям по этому договору... », что более соответствует международной практике. По мнению автора, статья 5 Гражданского кодекса РФ также нуждается в доработке, и, исходя из сложившейся практики, считаем возможным изложить пункт 2 указанной статьи в следующей редакции: «2. Обычай, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства, не применяются», то есть необходимо исключить из текста слова «... или договору».

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается, прежде всего, проведенным анализом значительного числа

отечественных и зарубежных публикаций по проблематике исследования, а также продуктивным применением комплекса частно-научных методов.

Гипотеза исследования. Проведенный теоретический анализ позволил сформулировать гипотезу исследования. Гипотезой исследования является тезис о том, что система источников регулирования предпринимательской деятельности представляет собой иерархически структурированную систему актов различной отраслевой принадлежности, структурно упорядоченное системное целое, обладающее относительной устойчивостью по отношению к составляющим его частям.

Апробация результатов исследования. Ряд выводов, приведенных в исследовании, изложен в научной статье, которая опубликована в одном из научных изданий.

Структура работы позволяет раскрыть тему, построена с учетом целей и задач исследования. Работа включает в себя введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретический анализ источников правового регулирования предпринимательской деятельности

1.1 Понятие источников правового регулирования предпринимательской деятельности

В доктрине различают источник права в материальном, идеологическом, историческом, политическом и формальном (юридическом) смысле. Источник права в материально-правовом смысле представляет собой общественные отношения, в целях регулирования которых, создаются нормы права. То есть усложнение системы рыночных отношений влечет возникновение новых норм права, регулирующих предпринимательскую деятельность. Источник права с идеологических позиций представляют собой правовая культура и правосознание. Так, только после изменения отношения к частной собственности, предпринимательству, появились многие нормы предпринимательского права. Источник права в историческом смысле представлен памятниками права, а под источником права в юридическом смысле традиционно понимают внешнюю форму выражения государственной воли. В качестве источников правового регулирования предпринимательской деятельности выступают нормативный правовой акт, нормативный правовой договор, правовой обычай, судебный прецедент [11], другими словами, в основе правового регулирования предпринимательской деятельности лежат разнообразные источники.

В юридической литературе присутствует несколько точек зрения на правовую природу источника правового регулирования предпринимательской деятельности. Ряд авторов, например, профессор В.А. Лаптев разделяет понятие «источник» и «форма», определяя источник предпринимательского права как основу формирования, внешнего выражения и закрепления правовых норм, а под формой предпринимательского права понимает способ внутренней организации и

выражения правовых норм, регламентирующих предпринимательскую деятельность, к которым автор относит законы, подзаконные акты, нормативный договор, локальный акт, обычай и судебный прецедент [51]. Эту точку зрения разделяют и другие ученые, определяющие источник предпринимательского права как основу, фактор формирования и выражения правовых норм, регулирующих различные виды экономической деятельности, а под формой понимают способ внутренней организации и внешнего выражения правовых норм [111]. Источник есть субстанция, создающая конкретную норму права, облаченная в соответствующую форму права – так определяет источник права Д.Э. Удалов [135].

Другие авторы определяют источник права как результат правотворческой деятельности субъектов [49]. Согласно третьей точке зрения категории «источник» определяется через «форму», в соответствии с этой точкой зрения источник предпринимательского права есть юридическая форма закрепления правовых норм, регулирующих предпринимательскую деятельность и отношения, возникающие в этой сфере [11]. Стоит отметить, что на протяжении советского периода развития правового регулирования хозяйственной деятельности понятие «источник» и «форма» не разделялись. Так, В.С. Мартемьянов под источником понимал «форму выражения государственной воли... источником права являются ... акты...» [163, с. 25], другие авторы под источником хозяйственного права понимали «способ внешнего и внутреннего выражения правил поведения» [164, с. 43].

Еще одной точкой зрения является выделение материального и формального значения источника права: в материальном смысле под источником права, например, профессор В.С. Белых, понимает силу, которая создает правовые нормы, а под источником в формальном смысле – форму выражения воли государства [107, с.47].

По нашему мнению, более обоснованной является позиция ученых, разделяющих понятия «источник» и «форма» по следующим причинам. Во-первых, у указанных терминов различное этимологическое содержание:

источник означает место, где что-либо начинает свое распространение, рождается, в нашем случае, источник – это то, из чего возникает право, а под формой понимается внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Во-вторых, правовая норма, так и множество сознательных человеческих действий, превращающих правило поведения из правовых норм в жизнь и в социальное отношение, являются в первую очередь психологическими актами. Для того чтобы такие действия оказывали влияние на сознание, волю и поведение других людей, необходимо сделать их познаваемыми, материализовать их. Такая материализация посредством определенной процедуры фактически представляет собой формализацию источника права. Основополагающим содержанием каждого правового акта является индивидуальное или совместное решение воли, волеизъявления. Форма правового акта представляет собой диалектическое единство процесса порождения акта и самого акта как особого социально-правового творения.

Вышеупомянутое определение четко указывает на то, что термин «форма правового акта» содержит несколько элементов. Первый элемент – это волеизъявление на издание конкретного правового акта. Такое определение включает в себя право государственных органов (парламента, правительства), а также право негосударственных субъектов (компаний, ассоциаций) создавать некоторые виды правовых актов.

Вторым элементом формы правового акта является процедура его издания. Процедура должна быть гарантией качества акта, который будет результатом процедуры. Следовательно, понятно, почему ожидаема сложная процедура издания более значимых актов. Правовой порядок регулирует не только процедуру издания правовых актов государственными органами, но и физическими и юридическими лицами – субъектами гражданского и предпринимательского права. То же правило применимо и здесь: чем значительнее действие, тем более сложной является описанная выше процедура. Например, статья 432 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [19] не требует каких-либо специальных действий для совершения

предложения, поскольку достаточно заявления о волеизъявлении, которое включает в себя, по крайней мере, существенные элементы предполагаемого договора в требуемой законом форме. С другой стороны, статья 4 Закона о переводном и простом векселе требует, чтобы переводной вексель был составлен в письменной форме, а статья 1 Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» [102] определяет, чтобы вексель включал существенные элементы, предусмотренные законом, и перечисляет их.

В теории права, в силу их общности, содержание и форма являются наиболее распространенным критерием классификации актов. В соответствии с основным элементом содержания, акты можно разделить на те, которые содержат правовую норму или ее отдельные элементы, и те, которые не содержат правовых норм. Первая группа включает все правовые акты, посредством которых создается либо общая, либо индивидуальная правовая норма, либо диспозиция, либо санкция индивидуальной нормы. Есть множество примеров, начиная с уголовного законодательства, а также договоры, содержащие пункт о наказании, до административного акта и судебного решения. Ко второй группе относятся волеизъявления, которые являются необходимым условием для реализации определенных правовых норм. Примерами для этой группы могут служить следующие документы: жалоба в суд и заявление о получении сертификата электронной цифровой подписи.

Акты, имеющие нормативный характер, имеют гораздо большее значение для принятия и реализации закона. Правовые акты, содержащие правовые нормы, могут быть классифицированы на общие и индивидуальные, в зависимости от того, включают ли они общую или индивидуальную правовую норму. С формальной точки зрения, с точки зрения формы принятия, как общие, так и индивидуальные правовые акты могут быть классифицированы на несколько типов. Основным критерием для

такой классификации является авторитет (субъект), а также процедура принятия [172].

Основной проблемой правоприменения норм, регламентирующих предпринимательскую деятельность, является их огромное количество, а также и то, что содержатся они не только в кодифицированных актах, но и в иных федеральных законах, актах органов власти различных уровней. В связи с чем, в юридической доктрине возникло несколько направлений понимания в отношении того, как должна выглядеть регламентация отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности. Первая позиция называется монистической концепцией, и основана она на необходимости принять кодифицированный акт в области предпринимательской деятельности, а предпринимательское право понимать как самостоятельную отрасль права. В качестве примера такого акта приводят Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» с изменениями и дополнениями по состоянию на 06 июля 2021 года [106], называя его успешным опытом [109]. Хотя есть и противоположная точка зрения [105]. Вторая позиция основана на дуализме, в соответствии с этой точкой зрения регулирование предпринимательских отношений возможно в рамках гражданского и административного права [170]. Мы придерживаемся второй точки зрения.

Исследуя вопрос о кодификации норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, стоит обратиться к примерам зарубежных стран. Например, в Германии действуют два акта: Германское торговое уложение и Германское гражданское уложение, и оба этих акта лежат в основе немецкого законодательства о предпринимательской деятельности. В отношении Германии такое разделение можно объяснить длительным существованием торгового права и наличием торгового сословия. Если обратиться к содержанию акта, то мы увидим наличие в нем пяти книг, каждая из которых использует цивилистический инструментарий,

что дает возможность ученым говорить о том, что Торговое уложение является скорее политическим шагом, чем насущной потребностью регулирования деятельности в области торговли [59].

В отношении содержания Единообразного торгового кодекса США можно отметить, что он является своеобразным компромиссом между Федерацией и штатами. Источник состоит из 10 разделов, где есть общие положения, вводные нормы и особенная часть. Вместе с этим, рассматриваемый акт содержит, в основном, положения о ценных бумагах, и в нем мало норм, посвященных институтам торгового права. Основная цель акта заключается не в регулировании, а в унификации и упрощении существующего правового материала. Еще одним примером является Торговый кодекс Венесуэлы, в котором отражена модель регулирования предпринимательской деятельности наиболее приближенная к российской, но если провести анализ содержания акта, то мы увидим, что он соответствует по содержанию либо разделам и главам ГК РФ, либо иным российским федеральным законам. Как правило, Торговый кодекс Боливарианской Республики Венесуэла детализирует характеристики коммерческой сделки, и исключает действия, несвойственные коммерческим отношениям [59].

Обращаясь к Предпринимательскому кодексу Казахстана, можно увидеть, что он объединяет нормы публично-правовой направленности, пункт 2 статьи 1 прямо исключает имущественные и личные неимущественные отношения между предпринимателями, указывая, что они регулируются Гражданским кодексом. Вопросов защиты и ответственности, отсутствие которых в отечественном законодательстве так беспокоит приверженцев кодификации, там нет, а есть только отсылочные нормы, определяющие, что ответственность устанавливается в соответствии с действующими законами республики, а что касается форм защиты, то они просто называются, их содержание не раскрывается, также делается отсылка к иным актам.

На наш взгляд, развитие экономических отношений требует совершенствования правовых норм, но не посредством кодификации. Например, нормы, регламентирующие предпринимательскую деятельность в области транспорта, оставляют желать лучшего. В частности, нормы транспортных уставов и кодексов, закрепляющие основания и пределы ответственности за причинение вреда жизни и здоровью, не отличает четкое определение правил, устанавливающих такие основания. Несмотря на то, что статья 1079 ГК РФ относит транспортные средства к источникам повышенной опасности, нормы, регламентирующие возмещение вреда, причиненного таким источником, закрепленные в транспортном законодательстве, кардинально отличаются от правил ГК РФ. Например, в силу статьи 1079 ГК РФ ответственность перевозчика наступает при наличии четко определенных юридических фактов, и при этом пределами ответственности являются непреодолимая сила и умысел потерпевшего. Вместе с тем, нормы транспортного законодательства обязывают возмещать ущерб без учета каких-либо обстоятельств происшедшего. Кроме того, статья 1079 ГК РФ устанавливает одинаковый подход при возмещении вреда независимо от объекта правовой охраны, в то время как транспортное законодательство устанавливает различные правовые механизмы возмещения вреда, в зависимости от того, чему причинен вред [131].

Современная российская система гражданского законодательства построена на едином подходе к регулированию правоотношений, которые являются предметом гражданского права. Тем не менее, некоторые правоотношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности весьма своеобразны, что требует особого правового регулирования в рамках общих правил. В ГК РФ на этот счет предусмотрены либо специальные нормы, либо исключения из правил, что соответствует общемировой тенденции к дифференциации правового регулирования в зависимости от субъектного состава. На наш взгляд, указанное может вполне существовать в рамках дуализма гражданского права, в рамках которого

учитываются особенности регулирования отношений по осуществлению предпринимательской деятельности, но при этом не нарушается целостность отрасли. В данном случае, можно говорить о специальном правовом режиме регулирования обязательств между субъектами предпринимательской деятельности, но никак не о выделении такого регулирования в отдельную отрасль. Отметим, что данная точка зрения разделяется в юридической литературе [123].

При принятии ГК РФ в его тексте содержался и содержится до сих пор ряд правил, применяемых в отношении регулирования предпринимательской деятельности, противоположных общим нормам. Например, пункт 2 статьи 322 ГК РФ устанавливает презумпцию солидарного обязательства, если оно связано с осуществлением предпринимательской деятельности, в противовес общей норме, закрепленной в пункте 1 указанной статьи. Статья 184 ГК РФ устанавливает специальный институт – коммерческое представительство, а статья 401 ГК РФ предусматривает возможность привлечения предпринимателя к ответственности без вины.

В действующей на сегодняшний день редакции ГК РФ усиливается тенденция дифференцированного регулирования обязательств с участием предпринимателей. Например, статья 310 ГК РФ закрепляет несколько правил, регламентирующих возможность отказа от исполнения обязательства, и недопустимости такого отказа в отношении участников, являющихся предпринимателями.

Пункт 1 статьи 391 ГК РФ устанавливает особый порядок перевода долга. Если по общему правилу, перевод долга возможен по согласованию между первоначальным и новым должником, то в отношении участников, занимающихся предпринимательской деятельностью перевод долга возможен по соглашению кредитора и нового должника.

Тем не менее, есть и примеры обратной унификации регулирования. Например, в 2015 году была введена статья 317.1, предусматривающая начисление процентов по денежному обязательству, в соответствии с

которой кредитор имел право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования деньгами, и касалось это только сторон обязательства-коммерческих организаций. В настоящее время дифференциацию по субъектному составу из текста статьи исключили.

Анализ действующих источников правового регулирования предпринимательской деятельности показывает, что целостного правового режима на сегодняшний день не сложилось. Так, имеются некоторые проблемы в терминологии. Например, само понятие предпринимательских обязательств обозначается несколькими терминами: в статьях 188.1, 310 и 315, 317.1, 322 ГК РФ, указанные обязательства именуются обязательствами, связанными с осуществлением предпринимательской деятельности, а в статье 316 ГК РФ – обязательствами предпринимателя, а в статье 359 ГК РФ говорится об обязательствах, стороны которого действуют как предприниматели. Указанные несовпадения отрицательно сказываются на практике применения законодательства, поскольку затрудняет правоприменение норм к однородным по сути, но имеющим различные наименования, обязательствам.

Еще одной проблемой формирования законодательства в области регулирования предпринимательской деятельности является определение субъектного состава последней. Так, остается открытым вопрос о возможности и пределах участия в предпринимательской деятельности некоммерческих юридических лиц. Пункт 3 статьи 50 ГК РФ в отношении определения деятельности, которую вправе осуществлять некоммерческие организации законодатель использует термин «деятельность, приносящая доход». В судебной практике предлагается применять к такой деятельности законодательство о предпринимательской деятельности по аналогии [93]. Тем не менее, о какой аналогии может идти речь, если приносящая доход деятельность регламентируется в гражданском законодательстве, например, в пункте 1 статьи 426 ГК РФ. Правильнее было бы четко закрепить на законодательном уровне, что к деятельности, приносящей доход,

применяются правила о предпринимательской деятельности, за некоторыми исключениями.

Таким образом, как следствие рассмотрения понятия «источник правового регулирования предпринимательской деятельности» считаем возможным разделить понятия «источник» и «форма» в связи с тем, что у указанных терминов различное этимологическое содержание: источник означает место, где что-либо начинает свое распространение, рождается, в нашем случае, источник – это то, из чего возникает право, а под формой понимается внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Форма правового акта представляет собой диалектическое единство процесса порождения акта и самого акта как особого социально-правового творения. На наш взгляд, развитие экономических отношений требует совершенствования правовых норм, но не посредством кодификации, поэтому мы не являемся сторонниками принятия единого кодифицированного акта в области правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследование ряда результатов кодификации норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, показывает, что они не охватывают целиком весь нормативный материал о предпринимательстве, во всех случаях для регулирования предпринимательских отношений привлекается гражданское законодательство, а также используются публично-правовые институты.

1.2 Понятие и история становления системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности

В юридической литературе отмечается, что в процессе развития правового регулирования предпринимательской деятельности можно выделить несколько этапов, каждый из которых отличает специфическое отношение государства к предпринимательской деятельности. Так, В.А. Лаптев указывает на досоветский, советский и постсоветский этапы

правового регулирования предпринимательской деятельности, каждый из которых имеет свои источники [54]. Рассмотрим их.

Досоветский (или царский) период, в течение которого развивалось, так называемое, торговое право. Выделяют два этапа развития отечественного торгового права: древнерусский, с момента образования Древней Руси и до правления Петра I, и имперский, завершение которого пришлось на 1917 год. Первые нормы торгового права можно обнаружить в международных договорах Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 годов и Русской правде. Так, в Договоре Руси с Византией 907 года упоминается полученное русскими купцами право торговать без взимания пошлин. В статье 8 Договора от 911 года закреплялась возможность оказания помощи при кораблекрушении: «если выброшена будет ладья сильным ветром на чужую землю и окажется там кто-нибудь из нас, русских (поблизости), то если захочет (хозяин) сохранить ее вместе со своим товаром и отправить обратно в Греческую землю, пусть проведем ее (мы) через любое опасное место, пока не придет она в место безопасное».

В соответствии с Договором от 944 года русские купцы должны были предъявлять доказательства своего профессионального статуса. Таким образом, в упомянутых источниках права, говоря современным языком, было представлено регулирование отношений, возникающих в связи с осуществлением государственного контроля и надзора за предпринимательской деятельностью, определение элементов правового статуса купца (предпринимателя), регулирование иных отношения между государством и купцами [44].

Русская Правда содержала нормы, регулирующие порядок заключения торговых сделок и взыскания долгов по ним. Нормы, регулирующие торговые отношения, можно обнаружить и в других памятниках права, например, в Двинской уставной грамоте, статьи с 14 по 16 которой устанавливают привилегии для двинских купцов, торгующих в великом княжении, в Новгородской и Псковской судных грамотах, в Судебниках 1497

и 1550 годов, а также в Соборном уложении 1649 года [72]. Кроме того, особое влияние на формирование норм русского торгового права оказало магдебургское право, которое называют «немецким правом».

Конец 17 века характеризуется принятием первых кодифицированных актов, регулирующих торговую и хозяйственную деятельность. В 1653 году появился Торговый устав, в 1667 году был принят Новоторговый устав, который регулировал осуществление торговой деятельности как внутри российского государства, так и за его пределами, регламентировал порядок взаимодействия с иностранными купцами, в дальнейшем был принят Таможенный устав 1755 года.

При Петре I в 1720 году был принят Морской устав, а в 1729 году при Петре II – Вексельный устав, в 1740 году Банкротский устав, которыми регулировались некоторые вопросы торговой и хозяйственной деятельности.

В 18 веке появились Устав о купеческом водоходстве и Цеховой устав, чуть позже стали появляться акты о субъектах экономической деятельности. Например, в 1805 году был принят Указ «Об ответственности акционерных компаний, в случае взысканий, одним складочным капиталом», а в 1807 году – Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способов к распространению и усилению торговых предприятий». Так, манифест регламентировал правовой статус полных товариществ, товариществ на вере и товариществ по участникам (прототипа акционерного общества). Позже кодифицированные нормы о торговой деятельности вошли в Свод законов Российской империи, в его 11 том.

В 19 веке стало развиваться фабричное право, крестьянам было разрешено учреждать заводы и фабрики, что дало толчок к развитию законодательства, появились: Устав о векселях, Устав о торговой несостоятельности, Положение о компаниях на акциях, Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, Устав ремесленный и Закон о товарных знаках. Позже появились Патентный закон, Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях

фабрично-заводской и горной промышленности» и ряд других. Стали появляться акты, регулирующие отдельные виды экономической деятельности, например, в области финансов – Положение об учреждении мелкого кредита и устав о векселях 1902 года; в области регулирования железнодорожных перевозок – Общий устав российских железных дорог; в области промышленности – Устав о промышленности, Горный устав, Положение о государственном промысловом налоге; о субъектах экономической деятельности – Об артелях трудовых. Развивалось гражданское законодательство, появились Свод законов гражданских, Устав судопроизводства торгового. Регламентировался государственный таможенный контроль посредством принятия Устава таможенного. В 1903 году появился кодифицированный акт, непосредственно касающийся торговой деятельности – Устав торговый, который включал в себя три книги:

- о субъектах торговли, торговых поверенных, договорах и обязательствах;
- о морской торговле, куда были включены нормы о торговых судах, процедурах мореплавания, о страховании от аварий на море, о помощи при кораблекрушениях;
- о порядке осуществления торговли, куда вошли правила о биржевых торгах, системе измерений товаров и иные.

Таким образом, можно констатировать особую важность торговой деятельности для России на рассматриваемом этапе. В литературе отмечалось, что существующий в области торгового права в те времена правопорядок органично сочетал в себе нормы частного и публичного торгового права. Публичное торговое право обеспечивало успешную торговую деятельность действиями государственных органов, а частное – регламентировало торговые отношения между частными лицами. В качестве источника торгового права выступали не только законы, но и правовые обычаи, которые весьма успешно дополняли нормативное регулирование. П.П. Цитович рассматривал торговое право, и как систему норм о торговле

(часть отрасли), и как часть гражданского права [165].

Следующий период развития правового регулирования предпринимательской деятельности начался после Октябрьской революции 1917 года и длился до 90 годов прошлого века. В нем выделяют следующие периоды: военный коммунизм, период НЭПа, сталинские годы, хрущевскую оттепель, период застоя, перестройку и распад СССР, каждый из которых характеризуется своеобразной регламентацией хозяйственных правоотношений.

В 20-е годы 20 века началось становление хозяйственного права, а хозяйственное законодательство стало рассматриваться в качестве основы регулирования производственных отношений. Отказ от царского прошлого привел к изменению в правовом регулировании. В частности, было закреплено ограничение на судебную защиту по гражданско-правовым спорам, возникшим до даты революции, и до введения Гражданского кодекса РСФСР 1922 года рассмотрение споров из гражданских правоотношений регулировалось законами, действовавшими в момент их возникновения. Но вместе с этим, советское правительство допускало возможность применения имперских законов, поскольку они не отменены революцией. Например, судопроизводство осуществлялось в соответствии с правилами, закрепленными в судебных уставах 1864 года. На этом этапе развития хозяйственных отношений возросла роль государственного регулирования экономики. Появились акты, закрепляющие субъектный состав новых хозяйственных отношений. Так, были приняты: правила «О регистрации торговых и промышленных предприятий» и «О порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий и преобразования предприятия», Декрет «О трудовых артелях», Постановления ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения о промышленных объединениях (промкомбинатах) низового подчинения, действующих на началах коммерческого расчета». Появились акты, регулирующие отрасли народного хозяйства, например, Постановление ЦИК СССР, СНК СССР «О

сельскохозяйственной кооперации», «О системе сельскохозяйственного кредита» и другие. Власть приступила к национализации экономики и ликвидации частной собственности, предприятия собственников, которые уклонялись от национализации, попросту подлежали конфискации. В этот период появилась законодательная база, закрепляющая обоснованность совершаемых действий. Например, Советом Народных Комиссаров были изданы следующие акты: Постановление «О монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными машинами и орудиями», ВЦИК издал Декрет «О национализации банков», «О национализации торгового флота», «О национализации внешней торговли». В основе экономики государства была положена социалистическая собственность.

Особо стоит отметить принятие в 1922 году Гражданского кодекса РСФСР, в который были частично инкорпорированы положения Германского гражданского уложения, но назвать его буржуазным актом невозможно исходя из целей, ради достижения которых он был принят, то есть акту придавали двойное значение: источник регулирования отношений граждан и организаций и часть хозяйственного законодательства. В этом отражено отношение к хозяйственному праву того периода. ГК РСФСР 1922 года закрепил правовой статус юридических лиц как полноценных участников гражданско-правовых отношений, которые действовали на основании устава или положения, знал кодекс и договор простого товарищества. Глава 10 раскрывала правовой статус товариществ – хозяйствующих субъектов, и закрепляла их классификацию.

В 1923 году появился акт о трестах – «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», который впервые закрепил в качестве цели деятельности извлечение прибыли, а также положения о взаимной ответственности треста и государства, согласно которым они по долгам друг друга не отвечали. В уставе треста закреплялись виды деятельности, они подлежали государственной регистрации с последующим опубликованием сообщения

об этом в издании «Экономическая жизнь». В 1927 году появилось Положение о государственных промышленных трестах, построенных на командно-административных началах.

В 1927 году было принято Положение о фирме, которое действовало вплоть до своей отмены в 2006 году, то есть почти 90 лет. В соответствии с этим актом, фирма представляла собой средство индивидуализации предприятия, входило в категорию объектов гражданских прав, следовала его судьбе, в отношении включения в фирму информации устанавливался запрет на введение в заблуждение третьих лиц. Также до сих пор действует Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе», которое определило правовой режим переводных и простых векселей. Положение было принято в связи с обязательствами СССР по Конвенции «О Единообразном Законе о переводном и простом векселе» 1930 года и Конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях 1930 года.

С 30 годов прошлого века советское народное хозяйство приобретает все более режимный характер, а Конституция РСФСР 1937 года в качестве основ экономического развития называет «социалистическую систему хозяйствования и социалистическую собственность, запрет частной собственности на орудия и средства производства и уничтожение эксплуатации человека человеком».

Далее был период Великой Отечественной войны, в течение которого государство получило активную роль в управлении промышленностью, и только с 50 годов прошлого века в отечественной доктрине возобновились дискуссии о правовом статусе и сущности юридического лица. В связи с тем, что в условиях плановой экономики хозяйственные предприятия были лишены самостоятельности в определении вектора развития собственной производственной деятельности, что тормозило развитие народного хозяйства, в 1956 году было принято Постановление ЦК КПСС, Совмина

СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», которое расширило самостоятельность предприятий и сократило количество показателей государственного плана. В 1965 году было принято Постановление Совмина СССР, которым было утверждено Положение «О социалистическом государственном производственном предприятии», где в отношении производственного предприятия определялись следующие признаки, в том числе, свойственные предпринимательской деятельности в современном понимании. Так, в отношении производственного предприятия устанавливалось, что оно является юридическим лицом, в основе его деятельности лежал устав, прибыль или экономия от снижения себестоимости распределялась в соответствии с финансовым планом, устанавливалась определенная самостоятельность в виде разрешения принимать другие заказы на производство продукции сверх плана, если это не мешало его выполнению. Позднее появились акты и о других организационно-правовых формах, например, Общее положение «О всесоюзном и республиканском промышленных объединениях», Положение «О производственном объединении (комбинате)», Положение «О тресте совхозов», Общее положение «О межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве». В 1978 году была принята Конституция РСФСР, статья 10 которой провозгласила защиту всех форм собственности, но одновременно с этим, допускала законное ограничение свободы экономической деятельности, если этого требовали общественные интересы.

Таким образом, данный этап правового регулирования предпринимательской деятельности характеризуется формированием советского хозяйственного законодательства – одной из ведущих отраслей советского права, что отразилось в принятии в 1975 году Постановления ЦК КПСС, Совмина СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства». В доктрине неоднократно предлагалась разработка Хозяйственного кодекса, и даже готовились два проекта такого

кодифицированного акта: в 1970 году и 1984 году, а также проект Основ хозяйственного законодательства СССР в 1975 году. Чуть позже, хозяйственное законодательство подверглось некоторой демократизации, что отразилось в принятии в 1987 году Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». Данным актом вводился «полный хозяйственный расчет и самофинансирование государственных предприятий, развитие производственного и социального самоуправления». Впервые в отечественном советском законодательстве появилось понятие конкуренции. Законодательство того времени определяло конкуренцию в качестве экономического соревнования предприятий между собой за потребительский спрос на эффективную высококачественную и конкурентоспособную продукцию, работы или услуги с наименьшими затратами. На тот момент половина действующего законодательства приходилось на хозяйственное законодательство.

Следующий период развития правового регулирования предпринимательской деятельности приходится на постсоветский период. На данном этапе изменения, происходящие в законодательстве, обусловлены изменениями в экономической сфере. В 1986 году был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», закрепивший возможность заниматься предпринимательской деятельностью в отдельных сферах на основе личного труда граждан и членов их семей. Также актом было разрешено заниматься индивидуальной трудовой деятельностью в свободное от основной работы время инвалидам, пенсионерам, обучающимся [22]. В 1988 году был принят Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», который закреплял правовой статус социалистических государственных предприятий и объединений, усиливал экономические методы управления. В этом же году был принят Закон СССР «О кооперации в СССР», закреплявший правовой статус и правовые условия деятельности кооперативов в некоторых сферах экономики и народного хозяйства. В 1989 году были утверждены «Основы законодательства СССР и союзных

республик об аренде», закрепивший за трудовыми коллективами государственных предприятий возможность организовывать арендаторов в качестве самостоятельного юридического лица для создания на его основе арендного предприятия. За арендаторами закреплялось право выкупа арендованного имущества и реорганизация на основе решения трудового коллектива арендного предприятия в кооператив, акционерное общество или иной вид.

В юридической литературе особая важность отводится Закону РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности, который был принят в 1990 году. Указанный акт имеет историческое значение, поскольку именно с его принятием законодательство о хозяйственной деятельности стали называть актами о предпринимательстве. Кроме того, им были закреплены виды предпринимательства: коллективное и индивидуальное. В указанном акте также закреплялась дефиниция предпринимательской деятельности, которая не менялась до сих пор. В целях развития и поддержки предпринимательства Указом Президента СССР в 1991 году был создан Совет по предпринимательству при Президенте.

В начале 90 году с принятием Конституции РФ 1993 года [48] были заложены основы современного регулирования предпринимательской деятельности. В основном законе были закреплены основные принципы регулирования экономической деятельности: свобода экономической деятельности, защита конкуренции и ограничение монополистической деятельности, равная защиты всех форм собственности. Кроме того, Конституция РФ закрепляет состав источников регулирования, в том числе, предпринимательской деятельности: общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры, федеральные законы, включая кодифицированные, законы субъектов, подзаконные акты, нормативные договоры. К источникам предпринимательского права относятся также правовые обычаи и локальные нормативные акты.

В постсоветский период также была высказана точка зрения о

принятии единого Предпринимательского кодекса РФ, она была утверждена Указом Президента РФ «Об исследовательской программе «Пути и формы укрепления российского государства»». Затем был принят указ Президента РФ «Об упорядочении государственной регистрации предприятий и предпринимателей на территории РФ», определяющий порядок государственной регистрации предприятий и предпринимателей. На сегодняшний день Предпринимательский кодекс в РФ так и не принят, и на наш взгляд, его принятие нецелесообразно. Хотя примеры принятия подобных актов есть на территории постсоветского пространства, например, Господарський кодекс України и Предпринимательский кодекс Казахстана, причем в разработке последнего принимали участие отечественные правоведы.

В отечественной доктрине того времени развивалось учение о правовом регулировании предпринимательской деятельности, которое получило название «современная школа предпринимательского права», концепция была «преломлением идей «третьей школы хозяйственного права» [26]. В дальнейшем были приняты несколько актов, которыми обеспечивалось развитие рыночной экономики: законы РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», «О товарных биржах и биржевой торговле», «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» 1995 года. В 1994 и 1996 годах были приняты две части Гражданского кодекса РФ.

Классификатор правовых актов, принятый Указом Президента РФ в 2000 году в отдельную группу выделил нормативные правовые акты о хозяйственной деятельности, а в 2009 году предпринимательское право было включено в номенклатуру специальностей научных работников. Отдельно регулировалась торговая деятельность, например, в 2009 году был принят федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой

деятельности в Российской Федерации».

На рассматриваемом этапе началась гармонизация отечественного законодательства о предпринимательской деятельности с нормами международного права в связи с участием РФ в таких организациях, как Всемирная торговая организация (ВТО), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и других [17].

В рамках СНГ было рекомендовано почти три сотни модельных законов и кодексов, в том числе, касающихся экономической деятельности, среди которых Модельный закон об экологическом агропроизводстве, Модельный закон о фирменных наименованиях, Модельный закон о конкуренции, Модельный закон о коммерческой тайне. В 2012 году с момента вступления РФ во Всемирную торговую организацию привело к гармонизации отечественного законодательства в области регулирования торговой деятельности. Важнейшим событием 2014 году стало подписание Россией Договора о Евразийском экономическом союзе, которым была обеспечена свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

В рамках рассматриваемого этапа правового регулирования предпринимательской деятельности стоит отметить гармонизацию международных норм о предпринимательской деятельности с российским внутригосударственным правом, но с сохранением соотношения частноправовых и публично-правовых начал в регулировании рыночных отношений и гражданского оборота.

Сложившаяся на сегодняшний день система источников правового регулирования предпринимательской деятельности, основанная на единстве и дифференции правовых норм, требует изучения, и как видно из предыдущего анализа, её формирование на различных этапах развития экономических отношений существенно отличалось. Энциклопедические источники определяют систему как множество элементов, связанных друг с

другом, и образующие единство. На систему источников и процесс их формирования в систему влияет много факторов, от политического режима до климатических условий и отношения к религии. В период Древней Руси система источников регулирования торговой деятельности включала в себя международные договоры, например, с Византией, законодательные акты, церковные уставы, каноническое право, обычаи. Для хозяйственного права советского периода характерен позитивистский подход, в соответствии с которым источниками правового регулирования являлись только законодательные акты, а также торговые обычаи, но только те, что санкционированы государством, а также ряд указаний государственных органов, например, Государственного арбитража при Совете Министров СССР.

Современную систему источников правового регулирования предпринимательской деятельности можно классифицировать на международную, наднациональную и внутригосударственную части. Иерархическая подчиненность определяется в Конституции РФ (статья 15). В юридической литературе встречается деление на общую и особенную части [51]. В общую часть включаются нормы, регламентирующие правовой статус субъектов предпринимательской деятельности, их организационно-правовую форму, требования к порядку осуществления предпринимательской деятельности, правовой режим имущества, обязательственные правоотношения, ответственность субъектов, формы государственного регулирования, гарантии и льготы. В особенную часть включаются нормы, регламентирующий определенный сектор экономики или вид предпринимательской деятельности. Каждый нижестоящий источник связан соподчиненными логическими связями с вышестоящим.

Еще одной особенностью современного развития системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности является размывание принципа исключительности нормативных правовых актов, или как указывает Д.Е. Богданов – «поэтапное преодоление позитивизма» [7]. В

судебных решениях авторами отмечается формулирование реалистических политико-правовых решений, а не позитивистских, что свидетельствует о влиянии судебного усмотрения на формирование практики применения норм о предпринимательской деятельности [52, с.250]. При этом, авторами отмечается, что судебная практика «уходит в субъективное усмотрение, произвольное толкование обстоятельств дел, что влечет судебные ошибки» [10].

Таким образом, можно подвести промежуточный итог. Считаем возможным разделить понятия «источник» и «форма» в связи с тем, что у указанных терминов различное этимологическое содержание: источник означает место, где что-либо начинает свое распространение, рождается, в нашем случае, источник – это то, из чего возникает право, а под формой понимается внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Форма правового акта представляет собой диалектическое единство процесса порождения акта и самого акта как особого социально-правового творения. На наш взгляд, развитие экономических отношений требует совершенствования правовых норм, но не посредством кодификации, поэтому мы не являемся сторонниками принятия единого кодифицированного акта в области правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследование ряда результатов кодификации норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, показывает, что они не охватывают целиком весь нормативный материал о предпринимательстве, во всех случаях для регулирования предпринимательских отношений привлекается гражданское законодательство, а также используются публично-правовые институты. В систему источников правового регулирования предпринимательской деятельности входят: международные принципы и нормы международного права, нормативные правовые акты, международные договоры, обычаи, локальные нормативные акты. Особое место занимает судебный прецедент.

Глава 2 Система источников правового регулирования предпринимательской деятельности

2.1 Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры как источники правового регулирования предпринимательской деятельности

В качестве источников правового регулирования предпринимательской деятельности выделяют общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры, которые в соответствии со статьей 15 Конституцией РФ являются частью российской правовой системы. В рамках исследования принципов международного права стоит остановиться на анализе принципа свободы договора, который является общеизвестным, закреплен он и в национальном законодательстве, например, в статьях 1 и 421 ГК РФ. Он также анализируется в судебной практике, например, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». Рассматриваемый общеизвестный принцип регламентирован и в международных актах, например, в Принципах УНИДРУА в статье 1.1, где закрепляется право сторон вступать в договор, самостоятельно определяя его содержание, а в статье 1.2 указывается правило о свободе формы и отсутствии каких-либо требований к ней. В законодательстве других стран содержание принципа раскрывается по-разному: в Германии закрепляется свобода заключения договора и определения его содержания; в англо-американском праве указанный принцип раскрывается через совокупность правомочий, начиная от свободы заключения и заканчивая свободой в определении размера причиненных убытков [53]. Кроме этого, в иностранном законодательстве, как и в отечественном (статья 425 ГК РФ) закрепляется возможность придания договору обратной силы. Тем не менее, у свободы договора есть пределы, они очерчены в статье 422 ГК РФ: договор

должен соответствовать императивным нормам, которые действовали в момент его заключения. Критерии императивности определены в Постановлении Пленума ВС РФ № 16: норма содержит явно выраженный запрет на включение в договор того или иного условия; норма необходима для защиты интересов слабой стороны в договоре, норма императивна исходя из существа правового регулирования.

Еще одним общепризнанным принципом регулирования предпринимательских отношений является запрет на переменчивое поведение, в зарубежных правовых порядках известное как принцип «эстоппель» – лишение права на возражение. Указанный принцип закреплен и в отечественном гражданском законодательстве (его проявление можно найти в статьях 165, 166, 167, 173.1, 431.1, 432, 450.1, 462 и других), то есть гражданское законодательство закрепляет несколько эстоппелей, что концептуально неверно, на наш взгляд. В судебной практике также нет единого мнения: одни суды видят главной задачей рассматриваемого принципа воспрепятствование получению преимуществ стороне, непоследовательной в своем поведении в ущерб другой стороне [77], другие признают противоречивым поведение, не соответствующее предыдущим заверениям стороны, если другая сторона на них разумно полагалась [75].

Считаем, что необходимо закрепить универсальное правило, как например, это сделано в статье 1.8 Принципов УНИДРУА, посвященной несовместимому поведению, согласно которой «сторона не может поступать несовместимо с пониманием, которое она вызвала у другой стороны, и последняя, полагаясь на это понимание, действовала разумно себе в ущерб». В Модельных правилах европейского частного права также закрепляется норма, согласно которой поведение считается недобросовестным и противоречащим честной деловой практике, если оно «не соответствует предшествующим заявлениям или поведению стороны», если противоположная сторона положила на них в ущерб себе».

Еще одним принципом, имеющим непосредственное отношение к предпринимательской деятельности, является общепризнанная норма о признании прекратившим существование отделения, филиала, представительства юридического лица в стране в случае прекращения деятельности юридического лица в стране места ее регистрации. Хотя в действующем отечественном законодательстве указанный принцип воплощается в различной форме. Например, в ГК РФ закрепляется приоритетное действие международного договора перед российским правом, в соответствии с Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» [143] при создании российскими юридическими лицами на территории иностранных государства своих представительств, учитывается и зарубежное законодательство, но в последнем акте отсутствует упоминание об общепризнанных принципах международного права.

Что касается международных договоров по вопросам регулирования экономической, в том числе, предпринимательской деятельности, то РФ заключила значительное количество многосторонних договоров, содержащих как материально-правовые, так и коллизионные нормы. Также можно отметить тенденцию к созданию наднационального законодательства, регулирующего предпринимательские отношения. В частности, к таким актам можно отнести Таможенный кодекс ЕАЭС [128], решения Совета Евразийской экономической комиссии, например, по утверждению товарной номенклатуры [116; 120]. Подобное формирование источников правового регулирования предпринимательской деятельности дает возможность говорить о наличии трех уровней регулирования: международного, наднационального и внутреннего. Это неминуемо влечет определенные коллизии, характеристика которых является существенным аспектом исследования источников правового регулирования предпринимательской деятельности. Поэтому, в рамках параграфа мы рассмотрим возможные коллизии между национальным и международным правом и пути их

решения, а не просто перечислим международные договоры по вопросам регулирования экономической деятельности, что, на наш взгляд, более важно, как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности.

В теории международного права признается, что проявлением государственного суверенитета является определение способов выполнения международных обязательств, что не исключает возникновение коллизий [50]. Например, интересная ситуация складывается в отношении положений Договора между СССР и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19.01.1984 года, правопреемником которого является РФ, поскольку правовая система указанной республики включает в качестве источников права, не только нормативные правовые акты, но и судебные прецеденты, что создает препятствия для реализации прав российских предпринимателей в процессе исполнения судебных решений.

Можно выделить несколько направлений применения норм международного права: применить нормы международного права вне сферы национального права, применить нормы совместно, применить нормы международного права в коллизионных ситуациях, не применять нормы международного права на основании статьи 79 Конституции РФ. Несмотря на то, что в действующем отечественном законодательстве закрепляются положения, предусматривающие приоритет применения международных договоров, например, в АПК РФ они закреплены дважды, предприниматели при организации исполнения решений российских судов за рубежом наталкиваются на проблемы и коллизии. Особенно часто они возникают при реализации процедуры экзекватуры, то есть исполнения решения суда, вынесенного судебным органом другого государства. В соответствии с вышеуказанным, преимущественное применение имеют акты более высокой юридической силы, то есть международные нормы перед нормами национальными, но что будет, если в одном деле столкнутся несколько

принципов преодоления коллизий? Например, принцип «специальный закон вытесняет общий» и принцип «закон высшей юридической силы отменяет действие закона более низкой юридической силы». По общему правилу в случае, если одно фактическое обстоятельство регулируется двумя разноуровневыми актами, то действует второй из указанных принципов, то есть вышестоящий закон отменяет действие нижестоящего акта в части противоречий. Тем не менее, в российской судебной практике иная тенденция. Так, в одном деле возник конфликт между нормами Межгосударственного соглашения между Латвийской республикой и Российской Федерацией и нормами отечественного законодательства о банкротстве. Арбитражный суд города Москвы [66] и Девятый арбитражный апелляционный суд посчитали, что сделка не может быть оспорена по общегражданским основаниям ввиду применимого латвийского права. Суды признали свою компетенцию по спору и не прекратили производство по делу и не применили подлежащее императивному применению право Латвийской Республики. В частности, суды указали, что спор касается оспаривания сделки должника по специальным основаниям, предусмотренным российским законом о банкротстве. Национальное законодательство РФ носит императивный характер относительно подведомственности споров в рамках дел о банкротстве российских компаний. Так как, Банк находился в процедуре банкротства, сделка была совершена за несколько дней до отзыва у Банка лицензии, в результате совершения сделки был выведен актив Банка, несмотря на наличие иностранного элемента, единственным применимым правом является право Российской Федерации – *lex fori concursus* – право государства места открытия производства по делу [82].

Таким образом, традиционно коллизия между нормами представляет собой столкновение нескольких правопорядков, а наличие коллизионной нормы позволяет выбрать тот или иной правопорядок для решения спорного правоотношения. Также, в последнее время из-за расширения границ предпринимательской деятельности далеко за пределы территорий

отдельных государств появляются и иные коллизии: между нормами права и наднациональными нормами («неправом»), религиозными, культурными нормами, а также обычаями [55]. В иностранной юридической литературе замечается что, несмотря на то, что право государства является основным элементом правовой системы, оно все больше смещается в сторону, а на первое место, в качестве регулятора предпринимательской деятельности (по крайней мере, трансграничной), выходят нормы наднационального негосударственного регулирования [181].

Так, в отношении регулирования предпринимательской деятельности в РФ особое значение имеет так называемое «право Союза» – акты, принятые в рамках деятельности Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), который был образован на основании подписанного в Астане в 2014 году Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС). На момент подписания он был трехсторонним: РФ, Казахстан и Беларусь, позднее к нему присоединились Армения и Киргизия [23; 142]. В соответствии с указанным договором ЕАЭС представляет собой международную организацию, которая обладает правосубъектностью, имеет в качестве основной цели обеспечение свободного товародвижения, оборот услуг и капитала, а также рабочей силы. В рамках ЕАЭС государства проводят скоординированную политику в отраслях экономики, реализация которой ложится на плечи его органов, среди которых: Высший Евразийский экономический совет, действующий на уровне глав государств, Евразийский межправительственный совет, функционирующий на уровне глав правительств и Евразийская экономическая комиссия, выполняющая роль постоянно действующего органа. Кроме указанных органов, обеспечение единообразия в применении международных договоров в рамках Союза действует Суд ЕАЭС. В результате создания ЕАЭС появилось право ЕАЭС, которое регулирует взаимоотношения между государствами-членами на основе экономической интеграции, что требует анализа взаимодействия

права Союза и национального права РФ и имплементации норм права Союза в отечественное законодательство.

Статья 6 Договора о ЕАЭС закрепляет понятие «право Союза» и определяет его структуру и основные элементы: «международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий», что дает возможность исследователям дать определение права Союза или права ЕАЭС. По мнению И.А. Шулятьева и Н.В. Шкурченко, право ЕАЭС представляет собой правовую систему, нормы которой «регулируют отношения государств-членов, возникающие в связи с образованием и функционированием ЕАЭС» [171].

Что касается имплементация норм права ЕАЭС в отечественное законодательство, то здесь отметим следующее. Договор об ЕАЭС является частью правовой системы РФ, поскольку согласие на его обязательность было выражено в 2014 году путем ратификации. В рамках Союза в силу международного договора заключены ряд соглашений, регулирующих предпринимательскую деятельность. Так, в 2014 году было подписано Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) [126] в рамках Евразийского экономического союза, датой вступления которого является дата получения депозитарием последнего письменного уведомления о выполнении ратификационных обязательств. В РФ согласие на обязательность выполнено путем его ратификации в 2016 году. Примером трехстороннего соглашения выступает подписанное в 2020 году Соглашение о зоне свободной торговли между государствами-членами ЕАЭС и Республикой Сербией. Вступление в силу указанного соглашения обусловлено проведением на территории государств, его заключивших, ратификационных или иных правовых процедур, и уведомлении об этом

депозитария. Соглашение вступает в силу по истечении 60 дней с момента последнего уведомления. РФ ратифицировала указанное соглашение путем принятия Федерального закона № 357-ФЗ «О ратификации Соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны» [146].

Также имеет место быть имплементация решений органов ЕАЭС в действующее законодательство. В качестве примера можно привести Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 19 «О плане мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [117]. В данном решении озвучено требование обеспечить реализацию указанных в нем мероприятий. Во исполнение этого решения российское Правительство приняло Постановление от 12 мая 2017 г. № 561 «О реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [94]. При этом для приведенного постановления характерен бланкетный характер изложения норм с отсылкой к решению Высшего Евразийского экономического совета. В качестве еще одного примера можно привести решение другого органа – Межправительственного совета от 29 мая 2014 г. № 2 «О мерах, направленных на развитие экспорта» [118], которым национальным учреждениям в экспортно-кредитной сфере предписано принять меры по его реализации.

Еще одной особенностью современного регулирования предпринимательской деятельности является формирование вненационального права и его значение в качестве применимого права к международным предпринимательским контрактам. Возможность использования вненациональных норм в качестве применимого права провозглашается в документе МТП «Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам» 2015 года. Применение

указанного документа построено на существовании автономной правовой системы (*lex mercatoria*), имеющей возможность регулировать правоотношения вместо национального законодательства, и возможности выбора в качестве применимого права вненациональные нормы [57].

Существует следующий алгоритм применения указанного документа: стороны, заключая контракт, включают в его текст одну из проформ или оговорку о применении норм вненационального «неправа», например, Принципов УНИДРУА вместо норм национального права, руководствуясь только лишь принципов автономии воли сторон. Далее сторонам необходимо включить в контракт арбитражную оговорку, чтобы открыть возможность применить к спору указанные в контракте неправовые нормы. Тем не менее, национальные суды критически относятся к возможности применять нормы «неправа». Например, Арбитражный суд Уральского округа при рассмотрении кассационной жалобы не принял во внимание доводы заявителя о неприменении судом апелляционной инстанции норм международного права, в том числе содержащихся в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 года, поскольку это не свидетельствуют о нарушении судом апелляционной инстанции норм права [78].

Особое значение имеют международные акты в сфере регулирования отношений с участием предпринимателей при перемещении товаров через таможенную границу [133]. Например, нормы, регламентирующие перемещение товаров через границу, содержатся как в специальных таможенных конвенциях, так и в актах, лишь отдаленно регулирующих таможенно-правовые отношения. Например, в рамках торговых договоров сложился действующий с некоторыми странами режим наибольшего благоприятствования. Указанный режим был создан в целях развития торговых отношений между резидентами и нерезидентами различных стран: ставки ввозных таможенных пошлин удваиваются, если РФ находится в государством происхождения товара в таких торгово-политических

отношениях, когда не применяется режим наибольшего благоприятствования, и наоборот, уменьшаются вдвое при обложении товаров, страной происхождения которых является страна-пользователь национальной схемы преференций.

Таким образом, в качестве источников правового регулирования предпринимательской деятельности выделяют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, которые в соответствии со статьей 15 Конституцией РФ являются частью российской правовой системы. Ряд источников наднационального уровня, такие как международные договоры в рамках ЕАЭС носят «самоисполнимый характер и автоматически интегрируются в национальное законодательство государств-членов», другие, например, Решения Межправительственного совета, требуют принятия внутригосударственных актов. Кроме того, особенностью современного регулирования предпринимательской деятельности является формирование вненационального права и его значение в качестве применимого права к международным предпринимательским контрактам.

Исходя из изложенного, считаем возможным внести в п. 1 ст. 1210 ГК РФ изменения и изложить его в следующей редакции: «... 1. Стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право или систему норм, применение которой не будет противоречить императивным нормам, и которые подлежат применению к их правам и обязанностям по этому договору... ». Такое изложение будет более соответствовать международной практике, поскольку сформулированное в международном частном праве понятие «нормы права» применительно к выбору применимого права звучит следующим образом: «правом, избранным сторонами, могут быть нормы права, которые являются общепризнанными на международном, наднациональном или региональном уровнях как нейтральный и сбалансированный свод правил, если иное не

предусмотрено законом страны суда» [182]. Среди таких источников можно выделить Принципы УНИДРУА, Европейские принципы договорного права.

2.2 Внутригосударственные источники правового регулирования предпринимательской деятельности

В отечественной юридической науке подчеркивается, что предпринимательское право комплексная система норм, связанных предметным единством – они регулируют предпринимательскую деятельность [110, с.17]. Право заниматься предпринимательской деятельностью является основополагающим правом гражданина, закреплено в Конституции РФ и является результатом действия принципа экономической свободы. Гражданин обладает свободой в выборе формы и вида экономической деятельности, он может либо работать по найму, либо заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью, либо стать учредителем или участником юридического лица. Вместе с тем, законодательством могут быть наложены ограничения в целях защиты основополагающих ценностей.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется с применением различных источников, и огромное значение приобретает их эффективность. Прежде всего, это Конституция РФ, нормы которой закрепляют правовые принципы регулирования предпринимательской деятельности. Прямые нормы Конституции, закрепляющие основы регулирования указанного вида деятельности иногда называют «экономической конституцией», поскольку они являются предпосылками предпринимательства, формируют основу предпринимательской деятельности в виде права на занятие ею. В основе предпринимательской деятельности как правового феномена лежат конституционные нормы, закрепляющие единство экономического пространства, поддержку конкуренции, запрет на монополистическую

деятельность, защиту частной собственности наравне с муниципальной и государственной собственностью, а также право на труд. Характерной особенностью предпринимательского права является то, что основные принципы правового регулирования предпринимательской деятельности закреплены именно в Конституции РФ [40]. Можно согласиться с А.Г. Быковым, который отмечал, что Конституцию РФ можно «с полным правом рассматривать как основу, на которой строится вся система базовых категорий предпринимательского права» [9, с. 327]. Тем не менее, действие принципов правового регулирования имеет определенные ограничения, что можно проиллюстрировать известным высказыванием Карла Поппера «о свободе движения кулака». Например, принцип свободы экономической деятельности не безграничен, и не может означать неограниченную свободу деятельности, его ограничения содержатся в самой Конституции, а также в ГК РФ и в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Другой принцип – принцип ограничения монополистической деятельности, не распространяет своё действие на естественные и государственные монополии. Закрепление многообразия и различных форм собственности регламентируется в ГК РФ, а принцип поддержки конкуренции – в Федеральном законе «О защите конкуренции» [156]. Исключительные полномочия Банка России раскрывают сущность принципа единства экономического пространства [147].

Вторым по значимости и правовому охвату является ГК РФ, который раскрывает понятие предпринимательской деятельности, организационно-правовые формы юридических лиц, правоспособности, понятие сделки и договора. Как известно, ГК РФ регламентирует понятие предпринимательской деятельности, определяет правовой режим имущества, закрепляет основания и меры гражданско-правовой ответственности, применяемые, в том числе, к предпринимателям, виды договоров. ГК РФ содержит и специальные правила, применяемые только к предпринимателям. Например, положения, закрепленные в пункте 3 статьи 401 ГК РФ,

устанавливающие безвиновную ответственность для данной категории субъектов.

Особое значение в регулировании предпринимательской деятельности имеют иные кодифицированные акты, такие как Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) [60], Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП) [46] и Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [134]. Нормы уголовного законодательства закрепляют составы преступлений, где субъектом преступления и потерпевшим могут быть только предприниматели и коммерческие организации. К таким составам относятся составы, закрепленные в частях с 5 по 7 статьи 159 УК РФ, который именуют «предпринимательским мошенничеством». В юридической литературе даже отмечается возможность выделения уголовного права для предпринимателей в отдельную отрасль. Как указывают авторы, «в соответствии с примечанием 4 к статье 159 УК РФ ... законодатель прямо прописал в законе, что фактически обязательной составляющей рассматриваемого состава преступления выступает юридическое лицо» [4, с.28], что дает в будущем возможность закрепления в законодательстве положений об уголовной ответственности юридических лиц. Также отметим, что в УК РФ кроме указанного состава есть и иные «предпринимательские статьи», например, уклонение от уплаты страховых взносов (статья 199 УК РФ), привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве (статья 200.3 УК РФ), ряд составов в части нарушения правил охраны окружающей среды.

Важное место в системе источников правового регулирования предпринимательской деятельности занимают иные федеральные законы, среди наиболее основных, преследующих цель повысить роль предпринимательской деятельности в социально-экономическом развитии страны можно указать следующие. Прежде всего, это Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [144], нормами которого регламентирован порядок

государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности. Важным актом является федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [155], который является основой регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства. Особо стоит отметить Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [157], которым регламентируется порядок проведения проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности. В 2020 году было проведено реформирование надзора и контроля, и был принят новый федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [158]. Новый акт в целом не изменил сферу действия, он, как и прежний закон не регулирует порядок проведения валютного, налогового, таможенного контроля, контроля в сфере закупок. Закон разделил контрольные мероприятия на две группы: бесконтактные, когда контролируемое и контролирующее лица не взаимодействуют, и контактные. Новым является закрепление приоритета профилактических мероприятий по отношению к надзорным. В частности, появились меры стимулирования добросовестности, выражающиеся в нематериальном поощрении субъектов, добросовестно исполняющих обязательные требования; самообследование, представляющее собой добровольную самостоятельную автоматизированную оценку соблюдения обязательных требований, а также возможность проведения профилактических визитов, заключающееся в проведении беседы по месту нахождения субъекта предпринимательской деятельности без выдачи предписания, даже если нарушение будет обнаружено. Кроме этого, Роспотребнадзор получил право присуждать юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, работающим с потребителями репутационный статус.

Кроме указанных актов, правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется огромным количеством федеральных законов, перечисление которых в рамках настоящей работы не представляется возможным, поэтому согласимся с авторами, указывающими, что «в настоящее время в Российской Федерации заложены серьезные правовые основы, которые позволяют осуществлять гарантированную государством деятельность» [38, с.29] субъектами предпринимательства.

Конституцией РФ и приведенными актами не ограничивается регулирование предпринимательской деятельности и существует целый массив актов в сфере предпринимательства, комплексность которых объясняется сочетанием частных и публично-правовых начал. В связи с указанным, сложно не согласиться с В.Ф. Попондопуло, считающим «предпринимательское законодательство совокупностью нормативных актов, содержащих нормы разных отраслей права (частного и публичного), регулирующих предпринимательскую деятельность в части как ее осуществления, так и публичной организации» [73, с.21].

Особое значение в регулировании предпринимательской деятельности имеет антимонопольное законодательство, поскольку обеспечение конкуренции, как было указано ранее, один из основополагающих конституционных принципов. В целях достижения конкурентоспособности отечественных товаров ограничение монополистической деятельности на внутреннем рынке является неизбежным явлением. С одной стороны, субъект предпринимательской деятельности, выходя на определенный рынок, преследует в качестве цели получение прибыли, и по возможности, устранения конкурентов, но с другой стороны, производство продукции в меньшем количестве сказывается на интересах потребителя, который вынужден покупать продукцию по более высокой цене. В связи с указанным, особое значение в качестве источника правового регулирования предпринимательской деятельности приобретает федеральное законодательство, устанавливающее антиконкурентные ограничения, в

частности, Федеральный закон «О защите конкуренции». К таким ограничениям, например, относятся запреты на недобросовестную конкуренцию, экономическая сущность которой основывается на любых действиях субъектов рынка, направленных на получение преимуществ. Юридическими признаками недобросовестной конкуренции являются: противоречие законодательству, «обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинение или угроза причинения убытков другим хозяйствующим субъектам ... либо нанесение или угроза нанесения вреда их деловой репутации» (статья 2 Федерального закона «О защите конкуренции»). Перечень форм недобросовестной конкуренции также дается в указанном акте, но он является открытым, что приводит к проблемам при квалификации поведения хозяйствующих субъектов как добросовестного, существует презумпция недобросовестности предпринимателя, что создает недоверие в предпринимательской среде [12].

Другую группу антиконкурентных ограничений составляют запреты на монополистическую деятельность, при формулировании понятия которой в действующем законодательстве также возникают проблемы. В частности, как указывается в юридической литературе, статья 4 Федерального закона хотя и содержит легальное определение, но оно состоит из перечня «отдельных действий, названных монополистическими, и тем самым не расшифровывает содержание указанного понятия, его экономическую сущность» [121]. Среди таких запретов: запрет на злоупотребление доминирующим положением; запрет на заключение ограничивающих конкуренцию соглашений, в том числе, картелей; запрет на совершение согласованных действий, цель которых ограничение конкуренции. Здесь стоит отметить отсутствие единого понимания картельных соглашений, как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. В 2021 году вышло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [88], которое пришло на смену постановлению Высшего

Арбитражного Суда тринадцатилетней давности. В новом постановлении суд предпринял попытку изменить формальный подход к установлению картелей и рекомендовал «судам уделять больше внимания таким вопросам, как наличие объективных экономических причин для того или иного поведения участников рынка». Верховный Суд РФ обязал антимонопольные органы точно доказывать, «какой именно была договоренность между предполагаемыми участниками картеля, оценивать возможность извлечения ими выгоды и устанавливать причинно-следственную связь между договоренностью и противоправными последствиями». Суд дал возможность хозяйствующим субъектам доказывать свою добросовестность.

Рассмотренные нами акты не единственные источники правового регулирования предпринимательской деятельности уровня федеральных законов, их десятки, условно можно разделить на акты, содержащие общие нормы правового регулирования, и специальные акты, регулирующие отдельные виды предпринимательской деятельности.

Особое значение среди источников правового регулирования предпринимательской деятельности федерального уровня имеют подзаконные нормативные правовые акты, к числу которых относятся указы Президента РФ. В качестве примера можно привести Указ от 2017 года «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [137], где в качестве показателей эффективности указаны, в том числе, объем инвестиций в основной капитал (кроме бюджетных средств федерального бюджета, инвестиций в добывающие отрасли) на душу населения и интегральный индекс субъекта Российской Федерации в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, что имеет непосредственное отношение к развитию предпринимательства. Еще одной разновидностью подзаконных актов являются постановления Правительства РФ. В частности, в соответствии со статьей 85 Федерального закона № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи

с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [149] Правительство РФ вправе установить особенности осуществления отдельных видов государственного контроля (надзора), в том числе, в отношении субъекта экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в части его деятельности и результатов такой деятельности. В качестве примера постановления можно привести Постановление Правительства РФ № 584 «Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности» [95] вместе с правилами представления уведомлений.

В регулировании предпринимательской деятельности особое место занимают ведомственные нормативные акты, в частности, акты, исходящие от Федеральной налоговой службы РФ, Центрального Банка РФ, Министерства экономического развития РФ (далее – МЭР РФ). Так, например, на развитие малого и среднего предпринимательства направлен Приказ МЭР РФ № 67 «Об утверждении требований к реализации мероприятий субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, а также на реализацию мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [113].

В свете последних событий с коронавирусом к числу источников, регулирующих деятельность предпринимателей, можно отнести акты, исходящие от Роспотребнадзора в лице Главного санитарного врача РФ. Например, за 2020 год и три квартала 2021 года за подписью Главного санитарного врача РФ вышло 159 документов различных видов и направленности. Часть из них носят рекомендательный характер, а часть являются обязательными для исполнения хозяйствующими субъектами.

Особенно это проявляется с момента возникновения сложной санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной новой коронавирусной инфекцией, в период распространения которой на первый план вышли постановления главных санитарных врачей как федерального, так и регионального уровней, а также законодательная деятельность глав регионов. Так, в июле 2021 года неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка стала причиной вынесения Постановления Главного санитарного врача по Самарской области от 15.07.2021 № 3 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям в Самарской области» [81], в п. 1.1 которого перечислены группы граждан, в отношении которых должно быть обеспечено проведение профилактических прививок.

Также особый интерес представляет пункт 1.2 постановления, в соответствии с которым вакцинации подлежат государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, работники органов власти и местного самоуправления. На наш взгляд, указанный пункт не соответствует критериям правовой определенности, что при возложении публичных обязанностей недопустимо. Как указал в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ, «неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения» [85]. Так, из содержания пункта 1.2 не ясно, на каких государственных служащих распространяется указанная обязанность: на всех государственных служащих, в том числе, федеральных, находящихся на территории Самарской области, например судей, или только на государственных служащих Самарской области. Кроме, того в постановлении ничего не говорится о подведомственных органам власти Самарской области учреждениях, но некоторые профильные министерства Самарской области все-таки издали распоряжения по вакцинации

сотрудников подведомственных учреждений, например, министерство культуры в отношении работников библиотек.

Акты, регулирующие осуществление предпринимательской деятельности, принимаются и на региональном уровне. Так, например в 2013 году Законом Самарской области учреждена должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Самарской области в целях обеспечения государственных гарантий защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных на территории Самарской области, и субъектов предпринимательской деятельности, права и законные интересы которых были нарушены на территории Самарской области [33]. В 2012 году был принят Закон Самарской области «О патентной системе налогообложения на территории Самарской области», которым была введена патентная система налогообложения для некоторых видов экономической деятельности [34].

Акты, регулирующие предпринимательскую деятельность, принимаются и на местном уровне. Так, в качестве примера можно привести Постановление Администрации городского округа Тольятти от 21.09.2021 года №3136-п/1 «О внесении изменений в постановление мэрии городского округа Тольятти от 26.05.2009 № 1190-п/1 «Об утверждении Перечня муниципального имущества городского округа Тольятти, предназначенного для предоставления во владение и (или) в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства»» [74]. Акты местного уровня, как правило, устанавливают либо изменяют правила осуществления предпринимательской деятельности на территории муниципального образования или иной административной единице. Это могут быть акты, содействующие развитию малого и среднего предпринимательства, поддержке сельхозпроизводителей, дорожной инфраструктуры, устанавливающие налоги на местном уровне.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что источники правового регулирования предпринимательской деятельности представляют собой систему актов, содержащих нормы различной отраслевой принадлежности, что обусловлено разнородностью складывающихся в сфере предпринимательства отношений. Как правило, акты носят комплексный характер, что не позволяет включить их в систему гражданского или административного законодательства, но это также не дает возможности выделить их в основу самостоятельной отрасли – предпринимательское право, поскольку все они, так или иначе, регулируют порядок осуществления предпринимательской деятельности, но этого явно недостаточно для обособления.

2.3 Значение правовых обычаев и обыкновений в регулировании предпринимательской деятельности

Предпринимательская деятельность представляет собой комплексное явление, включающее множество видов деятельности, достаточно обратиться к тексту Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, чтобы это выяснить. Кроме этого, предпринимательская деятельность имеет еще одну особенность – она может выходить за пределы границ одного государства. Это не может не влиять на особенности источников её регулирования, в системе которых важное место занимают обычаи и обыкновения. Обычай как источник права вызывает оживленные дискуссии, как по поводу своей правовой природы, так и по поводу определения [125], и если на национальном уровне он определяется как правовой обычай, то в международной практике его именуют уже международным торговым обычаем. Мы разделяем точку зрения, согласно которой, общим понятием является правовой обычай, а обычай делового оборота и международный торговый обычай – его виды [37].

Процесс формирования правовых обычаев достаточно длителен, в основе его оформления лежит «всеобщая практика, признанная в качестве правовой нормы». В основе многих правовых конструкций, закрепленных в нормах частного права, когда-то лежали обычаи. Вообще, применение обычаев имеет давнюю историю, например, Русская Правда представляла собой свод писаных обычаев. Г.Ф. Шершеневич считал обычное право правом, известным народу, но не получившим утверждение со стороны государства [166].

Применение обычаев регламентируется в международных, зарубежных и национальных актах. Например, в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Венской конвенции 1980 года стороны связаны любым обычаем, о применении которого достигнута договоренность, и практикой, которая сложилась в рамках их взаимоотношений. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1961 года [25] также предусматривает возможность руководствоваться обычаями при разрешении споров. Пункт 3 статьи 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» предусматривает, что при разрешении спора «во всех случаях третейский суд принимает решение в соответствии с условиями договора и с учетом торговых обычаев, применимых к данной сделке» [31]. Есть отсылки к торговым обычаям и в ГК РФ, в частности, в пункте 1 статьи 1186. Есть примеры и в зарубежном праве. Так, в основе Французского гражданского кодекса 1804 года были положены ордонансы, в том числе, являющиеся следствием кодификации обычаев. Английское общее право состоит из обычаев и судебных прецедентов.

Определение правового обычая закреплено в статье 5 ГК РФ, в соответствии с которой обычай представляет собой правило поведения, не предусмотренное законодательством, но сложившееся и определенное в своем содержании, активно применяемое в той или иной области экономической деятельности. В отечественном законодательстве есть легальные определения некоторых обычаев, например обычаев морского

порта и обычаи коренных малочисленных народов, и если вторые в рамках настоящего исследования не могут быть интересны, то обычаи морского порта являются непосредственными регуляторами предпринимательской деятельности. Указанные обычаи представляют собой правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством Российской Федерации [145]. Обычаи морского порта свидетельствует ТПП РФ. Так в 2014 году было выдано свидетельство на обычаи морского порта Анадырь. Обычаи морского порта применяются, как правило, в рамках регулирования договора перевозки груза морским транспортом.

В рамках закрепления в нормах права порядка применения обычаев есть некоторые коллизии. Так, в силу пункта 3 статьи 3 обычаи морского порта не должны противоречить Конституции, нормам международного права, Кодексу торгового мореплавания, федеральным законам и иным нормативным правовым актам. То есть, обычаю морского порта отводится регулирующая роль наравне с договорными нормами. Тем не менее, в пункте 2 статьи 5 ГК РФ при определении порядка применения обычая говорится о том, что если обычай противоречит договору, то он не применяется, то есть в рамках ГК РФ приоритет отдается договору. В судебной практике, в частности, в Постановлении Пленума ВС РФ о порядке применения норм международного частного права указывается применительно к Инкотермс (обычаям), что они имеют приоритет перед диспозитивными нормами договорного статута [89], если это соответствует правоотношениям сторон.

В законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность, закреплено достаточно много отсылок к правовым обычаям. Например, в статье 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» указано, что «для подтверждения фактов у резидентов и нерезидентов могут быть истребованы только те документы, которые используются субъектами предпринимательской деятельности, в том числе, для учета своих хозяйственных операций в соответствии с правилами

бухгалтерского учета и обычаями делового оборота» [148]. Отсылки к обычаям делового оборота содержатся и в НК РФ, когда речь идет о характеристиках функций, выполняемых сторонами сделки [129]. Налоговые органы при проведении мероприятий налогового контроля по сделкам с участием предпринимателей исследуют обычаи, которые могут повлиять на реализацию прав и обязанностей сторон по договору (статья 105.5 НК РФ).

В федеральном законе «О защите конкуренции» также подчеркивается значение обычая как привычного правила поведения, основанного на добропорядочности, разумности и справедливости. Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что перечень услуг при обслуживании морских судов не установлен на законодательном уровне, в силу специфики портовой деятельности допускается использование обычаев и обыкновений, что предоставляет судам широкие дискреционные полномочия при определении состава таких услуг [84].

На сегодняшний день Торгово-промышленной палатой РФ засвидетельствованы четыре обычая: в 2001 году «засвидетельствован обычай делового оборота в сфере вексельного обращения, в 2012 году Правила Инкотермс в редакции 2010 года были признаны обычаем делового оборота» [98]. Позднее, «в 2014 году ТПП РФ было выдано свидетельство на свод обычаев морского порта Анадырь, а 24 июня 2021 года были засвидетельствованы в качестве обычая, сложившегося» в сфере предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, «Правила Международной торговой палаты для использования национальных и международных торговых терминов «Инкотермс 2020».

Применительно к признанию обычая источником правового регулирования предпринимательской деятельности можно отметить, что хотя его легальное определение и допускает такую возможность, но оно не позволяет однозначно квалифицировать в качестве обычая то или иное правило поведения, что способствует более широкой дискреции суда. Кроме того, нужно учитывать, что обычай не должен противоречить ни нормам

права, ни договору, в противном случае такой обычай не применяется. По нашему мнению, статья 5 ГК РФ нуждается в доработке, и, исходя из сложившейся практики, считаем возможным изложить пункт 2 указанной статьи в следующей редакции: «2. Обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства, не применяются», то есть необходимо исключить из текста слова «... или договору».

Доказывание наличия обычая лежит на той стороне, которая на него ссылается, в этом случае особое значение отдается признанию судом соответствующего обычая. Большую роль в становлении обычного права играет судебная практика. Так, в некоторых решениях суды устанавливают содержание правовых обычаев. Например, суд установил, что действия компании, которая отправила заявку контрагенту по телефону, не противоречит обычаям делового оборота, в связи с чем, отсутствие письменных заявок не является основанием для отказа в оплате выполненных работ [101]. В другом деле суд признал обычаем возможность поставщика передать товар работникам магазина, если ежедневные поставки осуществляются в одни и те же торговые точки [100].

Кроме этого, в судебной практике есть соответствующие примеры признания обычая. Так, в 2016 году Высший Арбитражный Суд РФ в Постановлении № 16 «О свободе договора и её пределах» указал, что «в случаях, когда в договоре не содержится отсылка к примерным условиям, а условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, такие примерные условия применяются к отношениям сторон в качестве обычаев» [86]. Другой пример, в одном из постановлений суд, также сделав отсылку к обычаям указал, что «по смыслу ст. 779 ГК РФ оплате подлежат определенные действия или конкретная деятельность, указанные в договоре либо других совместных документах сторон или соответствующие практике отношений сторон, их поведения, обычаям делового оборота» [99]. При несовершении действий, вытекающих из обычаев или существа

обязательства одной из сторон, если это препятствует совершению другой стороной своего обязательства, последняя сторона не считается просрочившей, а сроки исполнения обязательств по договору продлеваются на соответствующий период просрочки первой стороны [64]. В другом деле суды необоснованно ограничились в правах на получение вознаграждения авторов охраняемых законом музыкальных произведений. Суды полностью проигнорировали статус аудиовизуального произведения, нормы международного и российского законодательства, обычаи делового оборота в части сбора и распределения авторского вознаграждения [67], и это послужило основанием для передачи жалобы в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Примером широко известных обычаев являются упомянутые ранее Правила Международной торговой палаты для использования национальных и международных торговых терминов Инкотермс 2020. 24 июня 2021 года они были засвидетельствованы в качестве обычая. Принятая в 2020 году редакция является девятой по счету, в предыдущую редакцию 2010 года были внесены существенные изменения, вплоть до изменения названия документа.

Указанные торговые обычаи применяются исключительно к сделкам купли-продажи товаров, и закрепляют обязанности продавца и покупателя, а также распределение расходов по доставке, транспортировке и страхованию. Также ими определяются обязанности по выполнению погрузочно-разгрузочных работ, получению экспортных и импортных лицензий. Применение Инкотермс является неотъемлемым атрибутом практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее – МКАС при ТПП РФ), сложно найти решение в области купли-продажи, в котором не было бы отсылки к указанным обычаям. Кроме этого, несмотря на то обстоятельство, что указанные обычаи применяются при условии, что это не противоречит взаимоотношениям и воле сторон, и если стороны использовали в договоре

торговые термины, однако не сделали ссылку на Инкотермс, при отсутствии доказательств иного намерения сторон считается, что сторонами согласовано применение к их отношениям Инкотермс в редакции, действовавшей на дату заключения договора. Также, без указания и ссылки на Инкотермс невозможно пройти таможенное оформление. Отличительным признаком обычая является санкционирование государством устойчивой практики международной торговли [41].

Инкотермс чаще всего используются при осуществлении предпринимателями внешнеэкономических сделок, но возможно их применение и во внутреннем гражданском обороте. Для того, чтобы сделать их контрактным условием, необходимо сослаться на них в тексте [104], хотя встречаются судебные решения, при принятии которых суды применили правила и при отсутствии в договоре оговорок об их применении. В то же время, указание в контракте базисного условия Инкотермс, отличающегося по содержанию от редакции Инкотермс, влечет применение указанного контрактного условия [119].

Последняя редакция Инкотермс содержит более последовательное и понятное изложение терминов и корректные формулировки базисов [176]. Редакция 2020 включает одиннадцать торговых терминов, объединенных в две группы: первая объединяет термины, применяемые при доставке любым видом транспорта, вторая содержит термины, применяемые при доставке морским и речным транспортом, при которых у продавца есть обязанность поместить товар на борт судна. Единственным термином, который был переименован, является термин DAT (Доставка на терминал), который теперь именуется DPU (Доставка на место выгрузки), что предоставило сторонам большую дискрецию в выборе места доставки.

В Инкотермс 2020 каждый термин имеет пояснения для пользователей, в рамках которых раскрывается сущность термина, обязанности сторон, даются рекомендации по определению пункта назначения груза, поясняется момент перехода рисков. Также стоит отметить, что для новой редакции

несколько отличается формат изложения – появилось изложение по горизонтали [167; 168]. Внесенные в новую редакцию Инкотермс изменения делают более легким для сторон внешнеэкономического контракта выбор базисного условия, поскольку изложение статей стало последовательным. Некоторые термины претерпели изменение в описании, например, термин FCA теперь предусматривает возможность согласования права покупателя давать указание перевозчику, чтобы последний оформил коносамент с бортовой записью после погрузки для продавца, что позволит ему быстрее выполнить требования аккредитива. Изменения коснулись и определения уровня страхового покрытия. Например, теперь применительно к условиям CIF и CIP установлены различные минимальные страховые покрытия: для CIF оставлено минимальное покрытие, а для CIP предусмотрена обязанность обеспечения продавцом расширенного страхового покрытия в размере не менее 110% стоимости поставляемого товара, но при этом стороны могут согласовать более низкий уровень покрытия. Новая редакция Инкотермс предусматривает возможность перевозки товара собственным транспортом сторон договора купли-продажи.

В Инкотермс 2020 много внимания уделяется вопросам обеспечения безопасности товара в пути его следования, каждый термин содержит перечень обязанностей сторон по обеспечению безопасности. Продавец, например, несет обязанность по соблюдению требований безопасности при транспортировке товара и оформлении его экспорта. В одном месте в редакции 2020 года объединены расходы, которые возлагаются на стороны – в статье A9/B9 «Распределение расходов». Также как и прежние редакции, Инкотермс 2020 не исключает применение сторонами предыдущих редакций, что делается путем включения ссылки в текст договора.

Еще одним примером обычаев являются Оговорки Institute Cargo Clauses, они включаются в текст договора международной купли-продажи или аккредитива и представляют собой страховые оговорки, которые подлежат применению при организации страхования груза. Старейшим из

ныне имеющихся источников в области торгового мореплавания являются Йорк-Антверпенские правила об общей аварии, которыми регулируются отношения сторон при возникновении общей аварии на море. Указанные правила применяются, если их применение согласовано судовладельцем и грузовладельцем в рамках договора, коносамента или чартера [43]. Йорк-Антверпенские правила представляют собой обычаи торгового мореплавания. Как правило, все проформы морских коносаментов и чартеров включают условия об их применении, поэтому можно сказать они применяются практически всегда.

В рамках настоящего параграфа необходимо также рассмотреть особенности применения при регулировании предпринимательской деятельности обыкновений и их отличия от правовых обычаев, поскольку они также применяются в целях регламентации предпринимательских правоотношений. Стоит отметить, что часто в юридической литературе смешиваются указанные понятия, что на наш взгляд неприемлемо, поскольку у них есть отличия, и эта точка зрения также имеет место быть. Например, В.А. Вайпан разделяет обычай и обыкновение, указывая, что при отсутствии упоминания об обыкновении в тексте договора, они не могут быть применены к взаимоотношениям сторон, в отношении же обычая такого не происходит [11].

Как указано в статье 9 Венской конвенции 1980 года [47], посвященной договорам международной купли-продажи товаров, если стороны договорились о применении какого-либо обычая, то они им связаны. То есть, обыкновение применяется к отношениям сторон только тогда, когда они договорились о его применении путем, например, заключения соглашения или включения оговорки в текст договора. Обычай же действует независимо от такого закрепления. Известными обыкновениями являются опубликованные Международной торговой палатой Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов [139], которые используются в целях регламентации расчетов посредством документарного аккредитива, и

Унифицированные правила по Инкассо [140], в статье 1 которых указано, что они «применяются ко всем инкассо, если эти Правила включены в текст инкассового поручения, и являются обязательными для всех участвующих сторон, если только специально не оговорено иное и если только это не противоречит положениям федерального, республиканского либо местного законодательства или правилам, носящим обязательный характер».

Отличия в применении обычаев и обыкновений можно выявить из содержания упоминаемых ранее в работе Принципов международных коммерческих контрактов – Принципов УНИДРУА, в преамбуле которых указано, что Принципы, которые не являются международным договором и носят рекомендательный характер, применяются, если стороны согласились на их применение в качестве обыкновений международной торговли. В зарубежной доктрине применение Принципов УНИДРУА называют таким же естественным, как отбивание мяча в игре в бейсбол [180]. В связи с указанным, обыкновения представляют собой определенный порядок взаимоотношения сторон, требующий соответствующего волеизъявления на его применение, при отсутствии которого суд не может его применить к спорным взаимоотношениям сторон, в отличие от применения обычая.

От обычаев и обыкновений отличается практика, которую стороны устанавливают в рамках своих взаимоотношений. Отечественная судебная практика свидетельствует о том, что такая практика приравнивается к подразумеваемым условиям договора. Например, в Постановлении № 18 от 2021 года Пленум Верховного Суда указал, что можно направлять обращения с социальных сетях и мессенджерах, если такой способ переписки является обычной сложившейся деловой практикой между сторонами и ранее обмен корреспонденцией осуществлялся, в том числе, таким образом [91]. В другом случае, суд указал, что «направление претензии по адресу электронной почты ответчика в случае, если такой порядок явно и недвусмысленно установлен в договоре, свидетельствует о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора» [61].

Есть еще одна категория источников правового регулирования предпринимательских правоотношений, именуемая «обычно предъявляемые требования», упоминание о котором встречается в ГК РФ (статьи 15, 309, 474, 481, 614, 635), в Законе «О защите прав потребителей» [30] применительно к качеству товара (ст. 4), в Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ст. 32) [151]. В судебной практике также есть примеры решений, при принятии которых обычно предъявляемые требования послужили регулятором общественных отношений. Так, в Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что, если предложенное отступное не соответствует соглашению сторон, а при отсутствии специальных указаний в соглашении – обычно предъявляемым требованиям, кредитор вправе отказаться от приемки ненадлежащего отступного [90]. Кредитор в таком случае может реализовать средства защиты, применяемые при нарушении первоначального обязательства.

Таким образом, в результате рассмотрения значения правовых обычаев и обыкновений при регулировании предпринимательской деятельности, можно отметить, что они имеют особенную правовую природу, механизм образования их отличается от механизма, лежащего в основе формирования иных источников. Обычай занимает самостоятельное место в системе источников правового регулирования предпринимательской деятельности. На современном этапе развития законодательства в сфере предпринимательской деятельности происходит унификация обычных норм.

2.4 Акты Конституционного Суда РФ и высших судебных инстанций в правовом регулировании предпринимательской деятельности

Значение судебной практики в регулировании предпринимательской деятельности огромно, но вопрос о возможности её отнесения к источникам права до сих пор остается дискуссионным. Мнения диаметрально

противоположны: от признания судебного правотворчества до бескомпромиссного отрицания подобного источника регулирования. Есть точка зрения, согласно которой судебная практика выступает средством минимизации рисков, поскольку в ней корректируется содержание нормативных актов путем интерпретации [6]. В рамках другого мнения, значение судебной практики рассматривается с позиций социальной справедливости. В частности, В.А. Вайпан пишет о том, что задачей судьи в рамках арбитражного судопроизводства является обеспечение справедливого судебного разбирательства, и, если правовые нормы являются неопределенными и допускают двоякое толкование, судья при вынесении судебного акта должен руководствоваться принципом справедливости [13]. Что касается практической деятельности, то так или иначе она сопряжена с анализом судебной практики, поскольку в целях квалифицированного исполнения обязанностей юристу нужно не только провести анализ законодательства, но и практику его применения. Это позволяет некоторым авторам признать судебную практику в качестве источника права [169].

В свое время политико-правовое значение судебной практики повышалось благодаря деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ и его Президиума, указанными субъектами были не только выработаны революционные позиции, но и были предприняты попытки их законодательного закрепления. В качестве примера можно привести Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» [87]. По мнению ученых и практиков, ВАС РФ «скорректировал господствующее понимание судебной методологии, совершил своего рода революцию» [42]. Можно согласиться с А.А. Ивановым, который считает, что переход к прецедентной системе продолжается, но признать его источником национального права еще рано [36].

Что касается самих судов, то есть примеры решений, когда они не приняли позицию участника процесса о том, что «правомерность его позиции подтверждена судебной практикой, поскольку юридический прецедент не является официальным источником права в Российской Федерации, а представляет собой толкование нормы права и пример ее применения с учетом конкретных обстоятельств дела» [83]. Далее суд указал, что спор разрешается посредством применения норм материального права и оценке фактических обстоятельств и доказательств. Хотя есть и противоположные примеры, например, Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2020 г. № 16-7607/2020 [103], где суд ссылается на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 года № 919-О-О, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 по малозначительности.

Что касается признания в качестве источника регулирования предпринимательской деятельности судебного прецедента, то здесь стоит отметить, что в РФ официально он источником права не является, тем не менее, в решениях нижестоящих судов часто упоминаются постановления вышестоящих судов, в частности, Верховного Суда РФ и Конституционного суда РФ. Кроме того, на возможность использования ранее вынесенных постановлений Конституционного Суда РФ указывается непосредственно в нормах Федерального конституционного закона № 1 «О Конституционном Суде РФ», где в ст. 47.1 дословно «вопрос может быть разрешен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации» [161]. Кроме того, об учете правовых позиций вышестоящих судов говорит тот факт, что основанием для пересмотра судебных актов могут быть новые обстоятельства, к числу которых, в соответствии со ст. 5 ч. 2 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [1], относится определение или изменение в постановлениях Пленума ВС РФ или Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда

РФ содержится указание на возможность такого пересмотра. Рассмотрим роль судебной практики при регулировании предпринимательской деятельности более подробно.

Аргументы авторов, которые рассматривают в качестве источников права постановления Конституционного Суда РФ, сводятся к следующему:

- Конституционный Суд РФ может лишить юридической силы любой судебный прецедент и его решения обладают даже большей силой, чем акт, который он толкует [14];
- выраженные в постановлениях позиции Конституционного Суда РФ являются ориентиром для остальных органов власти [39];
- акты Конституционного Суда РФ имеют преюдициальную силу для остальных судов [35];
- выраженная в прецеденте Конституционного Суда РФ правовая позиция является правилом, которым должны руководствоваться другие органы и должностные лица;
- решения Конституционного Суда РФ имеют принципиальное значение и применяются как действующее право;
- правовые позиции Конституционного Суда РФ следует применять до внесения изменений в законодательство [24];
- судебный прецедент подчинен закону и является условием реализации воли законодателя [45];
- только решения Конституционного Суда РФ являются источниками права, поскольку обязательны для всех правоприменителей [5].

На наш взгляд, говорить об актах Конституционного Суда РФ как об источниках правового регулирования предпринимательской деятельности преждевременно поскольку, несмотря на то что они признаются общеобязательными, их очень часто не исполняют. Конституционный Суд оказывает влияние на судебную практику опосредованно, в основном через изменение законодательства. Когда он признает норму неконституционной,

он обязывает законодателя внести в неё изменения, проект поправок должен подготовить кабинет министров в течение полугода, но, как правило, изменяют за это время только половину норм. Кроме того, даже если Конституционный суд дает разъяснения о порядке применения той или иной нормы, то не факт, что её буду правильно применять. Например, так было со статьей 212.1 УК РФ, когда Конституционный Суд РФ признал её конституционной, но указал, что привлечение по ней к уголовной ответственности возможно только при «причинении или реальной угрозе причинения вреда здоровью граждан или иным конституционно охраняемым ценностям» [70], тем не менее, прецеденты были. Кроме того, правовая норма отличается от любой другой нормы тем, что обеспечивается силой государственного принуждения. Тем не менее, у Конституционного Суда РФ нет полномочий требовать исполнения вынесенных им постановлений. Заставить органы государственной власти применить вынесенное постановление, заставить их его исполнить может только Верховный Суд РФ, куда предприниматели могут обратиться.

Что касается разъяснений Верховного Суда РФ, то таким образом этот орган выполняет свои полномочия, указанные в статье 126 Конституции РФ. С этой целью Пленум Верховного Суда РФ делает анализ и обобщение судебной практики и дает судам разъяснения, обязательные для нижестоящих судов. В связи с указанным, правовые позиции Верховного Суда РФ являются ничем иным, как актами толкования. Можно даже больше отметить: указанные акты часто противоречат друг другу. Например, В.В. Богдан и А.В. Гринева [6] приводят в качестве примера определение [68], где Верховный Суд РФ высказал позицию, в соответствии с которой не признается недействительной сделка, если она стала результатом злоупотребления правом, но в 2015 году в Обзоре судебной практики № 1 [62], утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 года, содержалась уже диаметрально противоположная позиция, в 2018 году Суд указанную позицию подтвердил [63].

При рассмотрении роли судебного прецедента при регулировании предпринимательской деятельности стоит отметить и правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые в юридической литературе называют установками, подтвержденными многократным повторением [15]. В РФ ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, и согласно ратификационному закону, прецеденты Европейского суда, сложившиеся за время толкования Конвенции, являются обязательными для применения на территории РФ. Тем не менее, в новой редакции Конституции РФ есть статья 79, содержание которой вызывает споры, в основе которых три основных постулата: противоречит статье 15 Конституции, является препятствием для исполнения решений Европейского Суда по правам человека, делает положения Европейской хартии по правам человека пустыми декларациями. Дискуссия по указанному вопросу не входит в тематику нашего исследования, укажем лишь, РФ не единственное государство, законодательство которого оговаривает данный вопрос. Так, в Конституции США вообще не затрагивается вопрос о соотношении внутреннего и международного права [21]. В Германии при определении соотношения международных норм и норм национального права практика Конституционного Суда опирается на постановления от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года и от 13 июля 2010 года. В указанных постановлениях немецкий Конституционный Суд сформулировал следующую правовую позицию: практика Европейского Суда по правам человека является лишь «ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ». Далее суд указал, что решения Европейского Суда по правам человека не являются обязательными во всех случаях, но они не должны оставаться без внимания. Стоит избегать конфликтов между внутренним и международным правом на начальном этапе рассмотрения дела в национальном суде, которые

нивелируются использованием одинаковой методологии. В наиболее часто упоминаемом деле Гёргиюлю, Конституционный Суд Федеративной Республики Германия подчеркнул суверенитет Германии в качестве теоретического принципа, а затем воспользовался этим суверенитетом, чтобы разрешить спорное дело в полном соответствии с позицией ЕСПЧ [174].

Конституционный Суд Итальянской Республики, также не согласился с выводами Европейского Суда по правам человека, изложенными в Постановлении от 31 мая 2011 года по делу «Маджо (Maggio) и другие против Италии», и указал, что снизить заложенные в национальном законодательстве гарантии защиты прав в угоду соблюдения международных обязательств недопустимо. Признание приоритета за национальными нормами прослеживается и в других решениях Конституционного Суда Итальянской Республики. Например, в постановлении от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств [177]. Верховный Суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в решении от 16 октября 2013 года ([2013] UKSC 63) также отметил, что решения ЕСПЧ не могут считаться безусловными. Следовать им возможно, только если они не содержат положений, противоречащих нормам национального права.

Особое значение для предпринимательской деятельности имеет судебная практика по делам экзекватуры иностранных судебных решений. Как указывается некоторыми авторами, Судебная коллегия по экономическим спорам редко уделяет внимание таким категориям дел [71]. Например, в 2020 году Коллегия сформировала правовую позицию, в соответствии с которой обязала арбитражные суды содействовать заявителям в сборе информации об имуществе должников, когда заявителям самостоятельно её получить мешают объективные причины [69].

В связи с вышеизложенным, можно согласиться с А.Х. Ульбашевым в том, что многообразие судебной практики по одному и тому же вопросу,

наличие конкурирующих позиций арбитражных судов ставит «под сомнение принципиальную возможность признания судебной практики в качестве источника права» [138]. Считаем, что судебный прецедент может только тогда быть признан источником права, когда в нем будет содержаться новое правило, не предусмотренное законом. В настоящий момент, даже Постановления Конституционного Суда РФ зачастую не исполняются, а Верховный Суд РФ высказывает противоположные позиции. Например, на вопрос о том, привлекут ли юридическое лицо к ответственности по статье 20.25 за уклонение от исполнения административного наказания, если к моменту составления протокола штраф был уплачен, есть две позиции Верховного Суда РФ: привлекут и не привлекут, причем каждая из них подтверждена соответствующей практикой [79; 80]. Правы те авторы, которые считают, что «в Российской Федерации суд, как орган государственной власти, выступает субъектом правоинтерпретации и правоприменения. Нормативный характер постановлений высших судебных органов обусловлен исключительно силой положений действующих нормативно-правовых актов, содержание которых раскрывается в воли суда» [162].

Таким образом, рассмотрев систему источников правового регулирования предпринимательской деятельности, сделаем некоторые выводы. Общеобязательные принципы и нормы международного права и международные договоры являются источниками регулирования предпринимательской деятельности в РФ. Например, международные договоры в рамках ЕАЭС носят «самоисполнимый характер и автоматически интегрируются в национальное законодательство государств-членов», другие, например, Решения Межправительственного совета, требуют принятия внутригосударственных актов. Что касается правовых обычаев при регулировании предпринимательской деятельности, то здесь можно отметить, что они имеют особую правовую природу, механизм образования их отличается от механизма, лежащего в основе формирования

иных источников. Обычай занимает самостоятельное место в системе источников правового регулирования предпринимательской деятельности. На современном этапе развития законодательства в сфере предпринимательской деятельности происходит унификация обычных норм.

Источники правового регулирования предпринимательской деятельности представляют собой систему актов, содержащих нормы различной отраслевой принадлежности, что обусловлено разнородностью складывающихся в сфере предпринимательства отношений. Как правило, акты носят комплексный характер, что не позволяет включить их в систему гражданского или административного законодательства, но это также не дает возможности выделить их в основу самостоятельной отрасли – предпринимательское право, поскольку все они, так или иначе, регулируют порядок осуществления предпринимательской деятельности, но этого явно не достаточно для обособления.

Исходя из изложенного, считаем возможным внести в п. 1 ст. 1210 ГК РФ изменения и изложить его в следующей редакции: «... 1. Стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право или систему норм, применение которой не будет противоречить императивным нормам, и которые подлежат применению к их правам и обязанностям по этому договору... ».

Глава 3 Некоторые проблемы формирования системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности

3.1 Формирование системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики

Развитие цифровой экономики требует качественного улучшения многих норм, регулирующих предпринимательскую деятельность. На сегодняшний день неплохо работает процедура взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с налоговыми органами посредством телекоммуникационных каналов связи. Указанные системы позволяют предпринимателям стать частью электронного документооборота и передавать налоговые декларации.

Одним из основных событий в сфере цифровой экономики стало принятие Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [20;152], вступившего в силу с 01 октября 2019 года. Указанный акт имеет непосредственное отношение к предпринимательской деятельности, поскольку им были введены новые объекты гражданских прав, а именно, имущественные права, включая цифровые права. Само понятие «цифровых прав» раскрыто в статье 141.1 ГК РФ: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Многие авторы критикуют указанное определение в силу того, что понятие информационной системы в нем не раскрыто [124]. Указанным актом в ГК РФ был введен новый вид договора – договор на оказание услуг по предоставлению информации, понятие которого закреплено в статье 783.1 [18]. В 2020 году был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [159], которым были введены понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта».

Цифровая экономика – новый сегмент, благодаря которому появились новые виды производства, основанного на совместном потреблении и использовании коллективного разума. Цифровизация в сфере предпринимательской деятельности позволяет снизить издержки транзакций, расширяет возможности вхождения субъектов малого и среднего предпринимательства на рынок. Например, созданная Единая информационная система в сфере закупок позволяет предпринимателям принять участие в обеспечении потребности государства в товарах, работах, услугах. Особо, что волнует предпринимателей – это достижение правовой определенности и получение возможности для судебной защиты своих прав, вытекающих из цифровых активов. Мировые регуляторы финансовых рынков уже давно призывают к установлению глобального контроля, например, над оборотом криптовалют, но мало кто всерьез рассматривает новые финансовые инструменты в качестве основных активов, в связи с чем, законодательное регулирование ограничивается принятием отдельных актов, но не прямым регулированием [8]. Хотя есть и противоположные примеры, например, Мальта, где приняты акты, в рамках которых достигнут компромисс между публичными ограничениями и защитой прав инвесторов в сфере цифровых прав. «Новое законодательство Мальты создает нормативную базу для эмитентов DLT-активов/ICOs (эмитентов) и поставщиков услуг DLT-активов» [108]. То есть, предпринята попытка разработать источники правового регулирования, в которых бы учитывались не только риски недобросовестного применения технологий, но и поощрение инвестиций в указанную сферу экономики.

В РФ на сегодняшний день отсутствуют непосредственное регулирование в данной области, что сказывается, в том числе, на защите прав на цифровые объекты. В связи с указанным, важным является

унификация законодательства в указанной сфере: определение субъектов, правового статуса этих субъектов, обеспечение единообразия терминов. Необходимо, чтобы система источников правового регулирования предпринимательской деятельности в цифровой среде включала в себя непротиворечивые нормы, как в рамках одного нормативного акта, так и в рамках всей системы источников [122]. Цифровизация меняет реальность осуществления предпринимательской деятельности, уже сейчас часть юридически значимых действий можно проводить только в цифровой среде [58], например, зарегистрироваться в качестве самозанятого через мобильное приложение «Мой налог», в рамках которого проводится: постановка на учет в качестве самозанятого, оформление продажи вместе в выдачей счета и чека, уплата самого налога.

Особое значение для предпринимательской деятельности имеют планы внедрения смарт-контрактов в различные сферы предпринимательской и иной экономической деятельности. Так, в 2020 году Правительством РФ была утверждена ««Дорожная карта» по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Энерджинет»», в соответствии с которой будет обеспечено применение «технологий децентрализованного ведения реестров, в том числе, для реализации договорных отношений между субъектами рынка электрической энергии посредством технологий децентрализованного ведения реестров и «умных контрактов»» [115]. Приказом Министерства промышленности и торговли РФ в 2016 году была утверждена «Концепция развития государственной информационной системы промышленности», в рамках которой будут проводиться мероприятия, позволяющие на платформе ГИСП внедрить средства поддержки «электронных сделок с использованием технологии смарт-контрактов» [112]. Из этого следует, что смарт-контракт является неотъемлемой частью процесса цифровизации экономики, но одновременно с этим, в РФ отсутствует четкая регламентация способов и

порядка реализации таких правомочий. Опыт нашего ближайшего соседа – Республики Беларусь в рассматриваемой сфере примечателен. На территории этой республики с 2005 года на законодательном уровне допускается осуществление сделок посредством смарт-контрактов в соответствии с Декретом «О парке высоких технологий», а в 2020 году Национальный Банк Беларуси в одном из постановлений определил процедуру осуществления сделок, заключаемых в рамках финансовых операций, при помощи смарт-контрактов [97].

Смарт-контракт предполагает передачу актива в рамках исполнения обязательства при помощи программных средств: при наступлении заданных в алгоритме обстоятельств происходит зачисление актива другому лицу, то есть речь идет об автоматизации перехода актива от должника к кредитору. Можно согласиться с авторами, которые указывают, что «сама по себе автоматизация исполнения обязательства не отменяет того, что мы имеем дело именно с обязательством и его исполнением», а смарт-контракт является лишь способом автоматизации некоторых операций в рамках исполнения обязательства [127]. Именно это сформулировано в статье 309 ГК РФ, где сказано, что исполнение обязательств из сделки при наступлении определенных обстоятельств может быть осуществлено путем применения информационных технологий без направления отдельно выраженного волеизъявления. Указанную норму нельзя толковать таким образом, что из неё следует, как будто программа сама исполняет обязательство. Обязательство исполняет субъект в момент передачи материального блага посредством закрепленного в программе алгоритма. Использование смарт-контракта при исполнении обязательств перспективно использовать в строительной сфере. Как указывается в юридической литературе, смарт-контракт будет исполнять те условия, о которых договорились субъекты предпринимательской деятельности [3], и даже при возможном возрастании количества исков, стороны смогут обратиться в суд с иском о

неосновательном обогащении, поскольку алгоритм будет уже выполнен [132; 173; 179].

Важным с точки зрения правоприменения является принятое в 2019 году Постановление Пленума Верховного Суда № 1 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»». В данном судебном акте Пленум назвал криптовалюту средством, преобразованным из виртуальных активов, близким к электронным денежным средствам, и подчеркнул, что она является объектом оборота, имеющим ценность [92].

Предприниматели используют сетевые ресурсы для продвижения производимых товаров, оказываемых услуг и работ на рынок. В настоящее время создано огромное количество агрегаторов торговли и маркетплейсов, способных объединять в одном месте неограниченное количество субъектов, и обеспечивать обмен имуществом, иными активами, мобильные приложения позволяют приобрести ресурсы в пользование взамен приобретения в собственность. В последнее время приобретает популярность концепция совместного потребления, например, такие популярные ресурсы, как Делимобиль, Uber, BlaBlaCar [2].

В период цифровой экономики, в рамках которой на первый план выходит экстерриториальность предпринимательской деятельности и её ведение на базе цифровых платформ, в рамках которых формируются тенденции к формированию «права платформ» и наличия у них саморегулируемой функции [16], что наталкивает на мысль о новом источнике правового регулирования предпринимательской деятельности.

Наличие у цифровых платформ функции регулирования общественных отношений косвенно подтверждается Указом Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до

2024 года» [136], где в круг задач входит внедрение платформенных решений в сферах оказания государственных услуг. В современных реалиях платформы осуществляют разрешение споров, формируют инфраструктуру, что позволяет назвать их источником права в цифровой экономике. Так, в силу федерального закона № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» [153], финансовые платформы осуществляют свою деятельность в соответствии с правилами, зарегистрированными Центральным Банком РФ, в этих правилах, ко всему прочему, должны содержаться требования к участникам и виды сделок. В силу ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», оператор инвестиционной платформы также обязан раскрывать правила инвестиционной платформы и определять требования к участникам [141].

В связи с тем, что единообразные нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность в условиях цифровой экономики и транснациональных платформ, бизнес-сообщество активно формируют обычаи, опосредованные через *lex mercatoria*, *lex electronica*, *e-merchant law* [178], в юридической литературе отмечается образование наднационального права киберпространства [27]. В качестве примера обычая можно привести следующее: электронное сообщение, отправленное автоматизированной информационной системой от имени субъекта, считается отправленным по воле субъекта. Один из арбитражных судов косвенно подтвердил существование такого обычая: он отказал при признании доставки электронного письма ненадлежащей в связи с его автоматическим попаданием в «спам» [76]. Или обычаем является подтверждение заказа на сайте или электронной почте. МТП с завидной систематичностью провозглашает в качестве применимого права обычаи, что даже приводит к коллизиям права и неправа [56]. Считаем возможным констатировать появление такого нового источника правового регулирования

предпринимательской деятельности, как право цифровых платформ, под которым мы понимаем совокупность норм, обеспечивающих возможность использования цифровых процессов, ресурсов, сервисов на основе цифровых технологий большим количеством субъектов в отдельных областях предпринимательской деятельности и обеспечивающих взаимодействие указанных субъектов.

Еще одной сферой внедрения цифровых технологий в области предпринимательской деятельности в юридической литературе называют оформление полномочий представителя путем выдачи видеодоверенности и предлагают закрепить указанную возможность в статье 185 ГК РФ [130], когда стороны находятся в большой удаленности друг от друга и этого требует экономическая целесообразность.

Цифровизация затронула и арбитражный процесс в момент внесения в АПК РФ в 2017 году изменений, регламентирующих обязанность отражать в протоколе судебного заседания использование систем видео-конференц-связи, видеозаписи.

Таким образом, в условиях цифровой экономики возрастает роль обычая в качестве источника регулирования предпринимательской деятельности, поскольку с учетом трансграничности отношений обычаи заполняют пробелы в правовом регулировании, и представляют собой модель правовой унификации и гармонизации. Считаем возможным констатировать появление такого нового источника правового регулирования предпринимательской деятельности, как право цифровых платформ, под которым мы понимаем совокупность норм, обеспечивающих возможность использования цифровых процессов, ресурсов, сервисов на основе цифровых технологий большим количеством субъектов в отдельных областях предпринимательской деятельности и обеспечивающих взаимодействие указанных субъектов.

3.2 Проблемы формирования источников правового регулирования в отдельных сферах предпринимательской деятельности

На наш взгляд, в ряде сфер предпринимательской деятельности законодательное регулирование не является столь интенсивным, как того требует уровень развития гражданского оборота. Особо остро указанная проблема проявляется в рамках формирования законодательства в сфере инвестиционной и инновационной деятельности.

Перед государством стоит задача установить приоритетные отрасли экономики для того, чтобы создать в них благоприятный инвестиционный климат. Инвестиционная деятельность является сферой общественных отношений, обладающей определенной спецификой, что требует комплексного регулирования. Нельзя сказать, что в РФ отсутствует инвестиционное законодательство: на данный момент приняты нормативные акты, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации и муниципальных образований. Например, Постановлением Администрации городского округа Сызрань от 09.09.2016 года № 2680 утвержден Порядок присвоения инвестиционным проектам статуса приоритетного инвестиционного проекта городского округа Сызрань. Тем не менее, на наш взгляд, проблемой привлечения частных инвестиций в приоритетные сферы российской экономики является отсутствие четких критериев отбора инвестиционных проектов, ведь в рамках таких проектов инвестор не только вкладывает свои деньги, но и получает финансирование от государства. В этой части, российское инвестиционное законодательство не отличается последовательностью. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1516 «Об утверждении Правил и критериев отбора инвестиционных проектов для включения в реестр инвестиционных проектов» под инвестиционным проектом понимается комплекс мероприятий, содержащий обоснование экономической целесообразности, объема и сроков

осуществления инвестиционных затрат и их последующего возмещения. Другими словами, эффективность инвестиционного контракта оценивается только с точки зрения коммерческой эффективности. Далее, в Законе о государственно-частном партнерстве [150] установлено уже два критерия эффективности: финансовая эффективность и социально-экономический эффект от реализации. Исходя из объема вложений, определяется понятие инвестиционного проекта в Федеральных законах «Об иностранных инвестициях в РФ» и «Об инвестиционной деятельности в РФ». На региональном уровне также устанавливаются соответствующие критерии. Например, Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении Порядка присвоения инвестиционным проектам, реализуемым и планируемыми к реализации на территории Самарской области, статуса стратегических инвестиционных проектов Самарской области» [96] устанавливает несколько критериев, в том числе, соответствие задачам, определенным в стратегии социально-экономического развития Самарской области, отраслевых стратегиях Самарской области. В Законе об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений уже иное понятие инвестиционного проекта: это проект, объем вложений в который соответствует законодательству, и включенный в перечень инвестиционных проектов. Тем не менее, на сегодняшний день единого перечня приоритетных инвестиционных проектов нет, а система критериев отбора не унифицирована. Это не отражает потребности предпринимательского сообщества инвесторов, которые вынуждены проводить комплексную оценку всего действующего законодательства на предмет наличия в нем льгот, мер государственной поддержки и правовых режимов. В связи с указанным, необходимо на федеральном уровне закрепить критерии отнесения инвестиционного проекта к приоритетным, а сам перечень таких проектов должен формироваться с ориентацией на цели инвестиционной политики РФ и регионов.

Кроме того, необходимо закрепить за приоритетными инвестиционными проектами статус специального правового режима, с соответствующими льготами, преференциями, особенностями осуществления деятельности, мерами стимулирования. В этой связи, также необходимо закрепить понятие инвестиционного контракта, но не применительно к промышленной политике, как это сделано сейчас. В частности, в статье 16 Федерального закона «О промышленной политике» [160] специальный инвестиционный контракт определяется как контракт, в соответствии с которым инвестор модернизирует или осваивает производство промышленной продукции, а государство или регион обязуются такую деятельность стимулировать при помощи мер, предусмотренных законодательством. На наш взгляд, необходимо закрепить общее понятие инвестиционного контракта, который можно определить как договор, в рамках которого инвестор осуществляет в установленные сроки инвестиционную деятельность, а государство обязуется установить для него специальный правовой режим. Заключаться такой договор будет посредством конкурса. Подобные примеры есть в некоторых субъектах, например, Закон Оренбургской области «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений» [28] определяет инвестиционный договор как гражданско-правовой договор. Тем не менее, в других субъектах, например, в Самарской области, Правительством Самарской области заключается договор о предоставлении государственной гарантии, а также иные договоры и выдается государственная гарантия [32]. То есть в данной сфере отсутствуют унификация и единообразие правоприменения.

Также в литературе высказывается точка зрения по поводу проекта № 82823-7 Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в РФ», в котором отсутствует определение его отраслевой принадлежности, а дается лишь «безадресный перечень возможных источников правового регулирования данного вида

общественных отношений» [65]. В проекте, в частности, указано, что предоставление государственной поддержки определяется бюджетным, налоговым и таможенным законодательством, однако далее закрепляются вопросы государственной и муниципальной поддержки, что может вызвать конкуренцию норм.

Еще одной проблемной сферой предпринимательской деятельности, где развитие законодательства не поспевает за развитием отношений в силу появления новых тенденций, процессов, явлений является инновационное предпринимательство.

На сегодняшний день основным нормативным актом, регулирующим общественные отношения в сфере инновационных технологий, является Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [154]. В соответствии со статьей 2 указанного акта инновации представляют собой новый или улучшенный продукт или процесс, новый метод продаж или организационный метод, организация рабочих мест, введенные в употребление. В свою очередь, инновационная деятельность – это деятельность, направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. То есть инновации – это уже созданные объекты, и, исходя из буквального прочтения определения, к ним не относится процесс создания такого нового объекта, но инновационная деятельность – это уже процесс от создания объекта до выведения его на рынок. Кроме этого, источники правового регулирования инновационной предпринимательской деятельности не содержат единообразия в определении научной, научно-технической и инновационной деятельности. Например, Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» разделяет научно-техническую и инновационную деятельность, но не дает их определений, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» также разграничивает указанные виды деятельности, но вместе с этим, нормами этого акта допускается, что научная

деятельность может быть инновационной. Таким образом, на уровне федерального законодательства отсутствуют четкие критерии отнесения той или иной деятельности к инновационной.

Не наблюдается единообразия и на региональном уровне. Например, в Законе Республики Татарстан дается понятие инновационного продукта и даже определяются их уровни: первый уровень – продукт, не имеющий аналогов, второй уровень – результат инновационной деятельности в виде нового или усовершенствованного продукта [29], а в Приказе «Об инновационной, высокотехнологичной продукции и технологиях Самарской области и признании утратившими силу отдельных приказов министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области» [114], действующем на территории Самарской области, понятие «инновационный продукт» не раскрывается. В указанных актах также разный перечень субъектов инновационной деятельности. В законодательстве Республики Татарстан также указываются объекты инновационной деятельности, среди которых объекты исключительных прав, инновационные и инвестиционные проекты и программы, финансовые активы и ценные бумаги, выпускаемые инновационными организациями. Здесь кроется еще одна тенденция – объединение инвесторов и субъектов инновационной деятельности, хотя это не равнозначные понятия, инвестор может вкладываться и в не инновационное производство.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что в источниках правового регулирования инновационной деятельности наблюдаются различные подходы к определению инноваций и инновационной деятельности, и отсутствуют общие признаки инновационного продукта, равно как и его определение, нет четких критериев отнесения предпринимателя к субъектам инновационной деятельности.

Таким образом, в качестве выводов по третьей главе можно отметить, что в условиях цифровой экономики возрастает роль обычая в качестве источника регулирования предпринимательской деятельности, поскольку с

учетом трансграничности отношений обычаи заполняют пробелы в правовом регулировании, и представляют собой модель правовой унификации и гармонизации. Тем не менее, недопустимо ставить роль нормативно-правового акта под сомнение, он был и остается основным источником правового регулирования, но на сегодняшнем этапе развития правового регулирования предпринимательских отношений в РФ, транснациональная предпринимательская деятельность во многом регулируется обычаями, и формируется «право цифровых платформ», которое выступает в качестве нового источника правового регулирования. Можно констатировать появление такого нового источника правового регулирования предпринимательской деятельности, как право цифровых платформ, под которым мы понимаем совокупность норм, обеспечивающих возможность использования цифровых процессов, ресурсов, сервисов на основе цифровых технологий большим количеством субъектов в отдельных областях предпринимательской деятельности и обеспечивающих взаимодействие указанных субъектов.

В сфере инвестиционной деятельности необходимо на федеральном уровне закрепить критерии отнесения инвестиционного проекта к приоритетным, а сам перечень таких проектов должен формироваться с ориентацией на цели инвестиционной политики РФ и регионов. Кроме того, необходимо закрепить за приоритетными инвестиционными проектами статус специального правового режима, с соответствующими льготами, преференциями, особенностями осуществления деятельности, мерами стимулирования. В сфере инновационной деятельности необходимо на уровне федерального законодательства закрепить единое понятие инновации, унифицированное для большинства сфер экономики.

Заключение

В результате проведенного исследования в качестве выводов можно отметить следующие моменты.

Во-первых, считаем возможным разделить понятия «источник» и «форма» в связи с тем, что у указанных терминов различное этимологическое содержание: источник означает место, где что-либо начинает свое распространение, рождается, в нашем случае, источник – это то, из чего возникает право, а под формой понимается внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Форма правового акта представляет собой диалектическое единство процесса порождения акта и самого акта как особого социально-правового творения. На наш взгляд, развитие экономических отношений требует совершенствования правовых норм, но не посредством кодификации, поэтому мы не являемся сторонниками принятия единого кодифицированного акта в области правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследование ряда результатов кодификации норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, показывает, что они не охватывают целиком весь нормативный материал о предпринимательстве, во всех случаях для регулирования предпринимательских отношений привлекается гражданское законодательство, а также используются публично-правовые институты.

Во-вторых, в качестве источников правового регулирования предпринимательской деятельности выделяют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, которые в соответствии со статьей 15 Конституцией РФ являются частью российской правовой системы. Ряд источников наднационального уровня, такие как международные договоры в рамках ЕАЭС носят «самоисполнимый характер и автоматически интегрируются в национальное законодательство государств-членов», другие, например, Решения Межправительственного совета, требуют принятия внутригосударственных актов. Кроме того,

особенностью современного регулирования предпринимательской деятельности является формирование вненационального права и его значение в качестве применимого права к международным предпринимательским контрактам. На национальном уровне источники правового регулирования предпринимательской деятельности представляют собой систему актов, содержащих нормы различной отраслевой принадлежности, что обусловлено разнородностью складывающихся в сфере предпринимательства отношений. Как правило, акты носят комплексный характер, что не позволяет включить их в систему гражданского или административного законодательства, но это также не дает возможности выделить их в основу самостоятельной отрасли – предпринимательское право, поскольку все они, так или иначе, регулируют порядок осуществления предпринимательской деятельности, но этого явно не достаточно для обособления. Что касается правовых обычаев при регулировании предпринимательской деятельности, то здесь можно отметить, что они имеют особенную правовую природу, механизм образования их отличается от механизма, лежащего в основе формирования иных источников. Обычай занимает самостоятельное место в системе источников правового регулирования предпринимательской деятельности. На современном этапе развития законодательства в сфере предпринимательской деятельности происходит унификация обычных норм.

В-третьих, в рамках закрепления в нормах права порядка применения обычаев есть некоторые коллизии. Так, в силу пункта 3 статьи 3 обычаи морского порта не должны противоречить Конституции, нормам международного права, Кодексу торгового мореплавания, федеральным законам и иным нормативным правовым актам. То есть, обычаю морского порта отводится регулирующая роль наравне с договорными нормами. Тем не менее, в пункте 2 статьи 5 ГК РФ при определении порядка применения обычая говорится о том, что если обычай противоречит договору, то он не применяется, то есть в рамках ГК РФ приоритет отдается договору.

В-четвертых, в условиях цифровой экономики возрастает роль обычая в качестве источника регулирования предпринимательской деятельности, поскольку с учетом трансграничности отношений обычаи заполняют пробелы в правовом регулировании, и представляют собой модель правовой унификации и гармонизации. Тем не менее, недопустимо ставить роль нормативно-правового акта под сомнение, он был и остается основным источником правового регулирования, но на сегодняшнем этапе развития правового регулирования предпринимательских отношений в РФ, транснациональная предпринимательская деятельность во многом регулируется обычаями, и формируется «право цифровых платформ», которое выступает в качестве нового источника правового регулирования. Считаем возможным констатировать появление такого нового источника правового регулирования предпринимательской деятельности, как право цифровых платформ, под которым мы понимаем совокупность норм, обеспечивающих возможность использования цифровых процессов, ресурсов, сервисов на основе цифровых технологий большим количеством субъектов в отдельных областях предпринимательской деятельности и обеспечивающих взаимодействие указанных субъектов.

В-пятых, в сфере инвестиционной деятельности необходимо на федеральном уровне закрепить критерии отнесения инвестиционного проекта к приоритетным, а сам перечень таких проектов должен формироваться с ориентацией на цели инвестиционной политики РФ и регионов. В источниках правового регулирования инновационной деятельности наблюдаются различные подходы к определению инноваций и инновационной деятельности, и отсутствуют общие признаки инновационного продукта, равно как и его определение, нет четких критериев отнесения предпринимателя к субъектам инновационной деятельности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Аюшеева И.З. Гражданско-правовые сообщества в условиях экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 95-104.
3. Баракина Е.Ю., Ефимова Н.А. Перспективы внедрения и использования смарт-контрактов в сфере строительства // Юрист. 2021. № 4. С. 30-35.
4. Бархатова Е.Н., Миронов А.О. Мошенничество в сфере предпринимательства: теория, практика, проблемы // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 27-31.
5. Бляшкина Н.А. Правовые позиции судов как источник налогового права России // Финансовое право. 2017. № 3. С. 38-42.
6. Богдан В.В., Гринева А.В. О судебном прецеденте как способе минимизации частных и публичных правовых рисков: дискуссионные вопросы // Российский судья. 2018. № 11. С. 49-52.
7. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: Монография. М.: Проспект, 2015. 304 с.
8. Брой У.Ш. Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 13-20.
9. Быков А. Г.: человек, ученый, учитель [Текст] / Юридический фак. Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова; [отв. ред. - Е. П. Губин]. - Москва: СТАРТАП, 2013. 415 с.
10. Вайпан В.А. Возможность возникновения права на долю в уставном капитале общества при отсутствии правоустанавливающих документов:

пределы судебного усмотрения // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 3-15.

11. Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4-17.

12. Вайпан В.А. Соотношение конкуренции и государственного регулирования рынка в фокусе справедливости // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. М.А. Егорова. М., 2018. С. 27-36.

13. Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.

14. Верещагин А.Н. Несколько мифов о прецедентном праве в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 15-18.

15. Власенко Л.В. Налоговые правовые позиции судов: теория и практика: Монография / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: Норма; Инфра-М, 2011. 159 с.

16. Ворникова Е.Д. Роль традиционных источников права в регулировании внешней торговли услугами в период цифровой экономики // Юрист. 2020. № 11. С. 62-68.

17. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе [Текст]: [монография] / [Ершова И. В. и др.] ; Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. И. В. Ершова. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. 287 с.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 330.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

21. Грищенко Т.А., Ляшенко Т.Т. Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции ст. 79 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 21-26.

22. Данелян Р.Н. Система источников правового регулирования предпринимательской деятельности: история и современность // Концепт. 2014. Специальный выпуск № 15. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14687.htm>. (дата обращения: 05.10.2021).

23. Договор о Евразийском экономическом союзе: текст с изменениями на 1 октября 2019 года в редакции, действующей с 01 августа 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013>. (дата обращения: 05.10.2021).

24. Дудко И.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как основания для устранения пробелов в законодательстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 5. С. 31-33.

25. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже: текст в редакции, действующей с 07 января 1964 года [заключена 21 апреля 1961 года] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 44. Ст. 485.

26. Ершова И.В. «Право и бизнес – 2018». Традиция продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11(96). С. 11-13.

27. Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica. 2020. № 3. С. 114-120.

28. Закон Оренбургской области № 3119/712-IV-ОЗ (в ред. от 18.08.2021) «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный

ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/952012251> (дата обращения: 19.10.2021).

29. Закон Республики Татарстан от 02.08.2010 № 63-ЗРТ (ред. 04.09.2020) «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2010. № 8-9. Ст. 951.

30. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

31. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. № 156, 14.08.1993.

32. Закон Самарской области от 16.03.2006 № 19-ГД (ред. от 20.07.2020) «Об инвестициях и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Самарской области» [Электронный ресурс] // <https://www.samregion.ru/documents/laws/19-gd-ot-16-03-2006> (дата обращения 21.10.2021).

33. Закон Самарской области от 18.11.2013 № 103-ГД «Об уполномоченном по защите прав предпринимателей в Самарской области и внесении изменений в Закон Самарской области «О лицах, замещающих государственные должности самарской области»» [Электронный ресурс] // https://economy.samregion.ru/nb/norm_baza_mb/sm_pred_mest/low_SR_normative_base/zakon-samarskoj-oblasti-ot-18-11-2013-103-gd78563/ (дата обращения 21.10.2021).

34. Закон Самарской области от 27 ноября 2012 № 117-ГД «О патентной системе налогообложения на территории Самарской области» [Электронный ресурс] // https://economy.samregion.ru/nb/norm_baza_mb/sm_pred_mest/low_SR_normative_base/zakon-samarskoj-oblasti-27-11-2012-117-gd-patent-sistema142425/.

35. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3-9.

36. Иванов А.А. Речь о прецеденте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 3-11.

37. Иванова Т.Н. Применение обычаев и обыкновений в коммерческом обороте // Право и экономика. 2015. № 11. С. 4-10.

38. Идрисов Х.В. Современное состояние предпринимательской деятельности в Российской Федерации: нормативно-правовое регулирование и системно-организационные проблемы развития // Право и экономика. 2019. № 3. С. 27-34.

39. Кажлаев С.А. Генезис правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 8-15.

40. Казакевич Е.И. Принципы предпринимательского права: закрепление в законодательстве и реализация в практической деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 7-13.

41. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование / В.А. Канашевский. Москва: Международные отношения, 2019. 703 с.

42. Кардозо, Бенджамин Н. Природа судейской деятельности [Текст] / Бенджамин Н. Кардозо; перевод с английского Saveliev, Batanov & Partners. - Москва: Статут, 2017. 110 с.

43. Касаткина А.С., Кобахидзе Д.И. Эволюция Йорк-Антверпенских правил об общей аварии как источника международного частного морского права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С.68-82.

44. Кецба Б.И. Значение торговых договоров между Русью и Византией для становления отечественного таможенного права // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 4. С. 63-68.

45. Кириллова А.Ф. Место судебного прецедента в системе источников финансового права // Финансовое право. 2012. № 11. С. 36-40.

46. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

47. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Заключена в городе Вене 11 апреля 1980 года // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

48. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

49. Кузнецова О.А. Автономные источники предпринимательского права // Гражданское право. 2018. № 4. С. 13-17.

50. Лазутин Л.А. Коллизии международно-правовых и внутригосударственных норм в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 47-52.

51. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2018. 49 с.

52. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: Монография. М.: Проспект, 2017. 302с.

53. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. 384 с.

54. Лаптев В.А. Правовое регулирование предпринимательства в России (исторический аспект) // Lex russica. 2015. № 4. С. 33-45.

55. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193-218.

56. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 93-107.

57. Мажорина М.В. Эволюция правопонимания и правоприменения: парадигмальные сдвиги в международном частном праве, или когда международный коммерческий арбитраж покончит с правом? // *Lex russica*. 2017. № 10. С.88-102.

58. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*. 2019. № 3. С. 7-13.

59. Надежин Н.Н. Предпринимательская деятельность как предмет правового регулирования в зарубежном законодательстве // *Международное публичное и частное право*. 2019. № 4. С. 30-33.

60. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 31. Ст. 3824.

61. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2021. № 2.

62. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 года [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

63. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 года [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

64. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

65. Омелехина Н.В. Кодификация финансового законодательства как способ ликвидации пробелов в праве // Финансовое право. 2020. № 7. С. 3-10. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-7-3-10 (www.doi.org).

66. Определение Арбитражного суда города Москвы от 28 сентября 2018 года по делу № А40-251578/16 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

67. Определение Верховного Суда РФ от 12 мая 2020 года № 309-ЭС19-20255 по делу № А60-308/2018 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

68. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 года № 309-ЭС14-923 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

69. Определение Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС19-17404 от 20 января 2020 года по делу № А40-45916/2018 об экзекватуре решения Суда федеральной земли Вена (Австрия) от 17 ноября 2016 года [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

70. Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2020 года № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

71. Панфилло Е. Дело об экзекватуре решения суда Австрии в России: содействие судов в розыске активов должника и взаимность, не требующая доказательств //

https://zakon.ru/blog/2020/9/7/delo_ob_ekzekviture_resheniya_suda_avstrii_v_rossii_sodejstvie_sudov_v_rozyske_aktivov_dolzhnika_i (дата обращения 28.10.2021).

72. Попов Д.А. Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения» // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4(85). С. 161-168. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-161-168.

73. Попондопуло В.Ф. Предпринимательское законодательство и проблемы его совершенствования // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3. С. 19-23.

74. Постановление Администрации городского округа Тольятти от 21 сентября 2021 года № 3136-п/1 «Об утверждении Перечня муниципального имущества городского округа Тольятти, предназначенного для предоставления во владение и (или) в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [Электронный ресурс] // <https://tgl.ru/documentation/obj?obj=34630>.

75. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 августа 2016 года № Ф04-3078/2016 по делу № А27-17301/2015 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

76. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 июня 2020 года № Ф04-1619/2019 по делу № А03-3278/2018 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

77. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01 августа 2016 года № Ф05-8371/2016 по делу № А40-122245/15-85-991 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

78. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 января 2016 года № Ф09-2495/13 по делу № А60-24547/2009 [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.10.2021).

79. Постановление Верховного Суда РФ от 05 декабря 2018 года № 49-АД18-19 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

80. Постановление Верховного Суда РФ от 10 февраля 2021 года № 5-АД20-131 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

81. Постановление Главного санитарного врача по Самарской области от 15 июля 2021 года № 3 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям в Самарской области» [Электронный ресурс]. <http://63.rospotrebnadzor.ru/documents.2021> (дата обращения 01.11.2021).

82. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2018 года № 09АП-58272/2018, 09АП-58273/2018 по делу № А40-251578/16-177-295 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

83. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2015 года № 10АП-4855/2015 по делу № А41-3821/15 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2017 года № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта»» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7532.

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 года № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с

жалобой гражданки И.С. Бутримовой» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1639.

86. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

87. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 года № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 года № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. № 154, 17.07.2019.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 года № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. № 136, 25.06.2020.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. № 144, 02.07.2021.

92. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества,

заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. № 51, 07.03.2019.

93. Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

94. Постановление Правительства РФ № 561 от 12 мая 2017 года (ред. от 20.11.2018) «О реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 21. Ст. 3013.

95. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 № 584 «Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности: текст в редакции на 04 февраля 2021 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3823.

96. Постановление Правительства Самарской области от 23 ноября 2016 года № 671 (ред. 15.04.2021) «Об утверждении Порядка присвоения инвестиционным проектам, реализуемым и планируемыми к реализации на территории Самарской области, статуса стратегических инвестиционных проектов Самарской области» // Волжская коммуна. 2016. № 316 (29862).

97. Постановление правления Национального Банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 года № 428 «О совершении и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=B22136239&p1=1> (дата обращения: 06.10.2021).

98. Постановление Правления ТПП России № 54-5 от 28 июня 2012 года «О свидетельствовании торгового обычая (обычая делового оборота), принятого в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <https://docs.cntd.ru/document/565438931?section=status> (дата обращения 21.10.2021).

99. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08 октября 2002 года № 5753/02 по делу № А40-48067/01-102-25 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021)

100. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 марта 2007 года № 17АП-1158/2007-ГК [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

101. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2008 года № А56-15589/200 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

102. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 07 августа 1937 года № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» // Свод законов СССР. Т. 5. С. 586.

103. Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2020 года № 16-7607/2020 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

104. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004 - 2016. К 85-летию МКАС / научные редакторы и составители А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. Москва: Наука и право, 2017. 1564 с.

105. Предпринимательский кодекс как орудие развала правовой системы Казахстана. Каспийский общественный университет; Научно-исследовательский институт частного права; Алматы, 2011 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31129715#pos=1676;-39 (дата обращения: 21.10.2021).

106. Предпринимательский Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V (с изменениями и дополнениями на 06 июля 2021 года) [Электронный ресурс]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854&doc_id2=38259854#pos=50;-98&pos2=640;-98 (дата обращения: 21.10.2021).

107. Предпринимательское право России [Текст]: учебник / [В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко и др.]; ответственный редактор В.

С. Белых; Уральская государственная юридическая академия. - Москва: Проспект, 2017. 649 с.

108. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.

109. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992 с.

110. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. 999 с.

111. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. 848 с.

112. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации 23.06.2016 № 2091 (ред. 01.06.2020) «Об утверждении Концепции развития государственной информационной системы промышленности» [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

113. Приказ Министерства экономического развития РФ от 14.02.2018 года № 67 «Об утверждении требований к реализации мероприятий субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, а также на реализацию мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2018 (дата обращения 02.10.2021).

114. Приказ Министерства экономического развития Самарской области от 12.08.2020 № 145 «Об инновационной, высокотехнологичной продукции и технологиях Самарской области и признании утратившими силу отдельных приказов министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Самарской области <http://www.pravo.samregion.ru>, 14.08.2020 (дата обращения 21.10.2021).

115. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1526-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Энерджинет»» [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.10.2021).

116. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 августа 2021 года № 17 «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 24.08.2021.

117. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 года № 19 «О плане мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. Правовой портал. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147689/scd_12052015_19.

118. Решение Межправительственного совета от 29 мая 2014 года № 2 «О мерах, направленных на развитие экспорта» [Электронный ресурс] // <https://www.alt.ru/tamdoc/15a00002/> (дата обращения: 11.10.2021)

119. Решение МКАС при ТПП РФ от 05 ноября 2004 года по делу № 164/2003 // Статут. 2005.

120. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.tsouz.ru/>, 23.07.2012 (дата обращения 21.10.2021).

121. Рубцова Н.В. Антимонопольное регулирование как основное направление нормативного регулирования предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 126-135.

122. Рубцова Н.В., Чумакова Л.П. Некоторые особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в контексте цифровой экономики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 94-98.

123. Рузанова В.Д. Обязательства, связанные с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности: проблемы дифференциации правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 4. С. 18-20.

124. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.

125. Саркисян А.С. Обычай во внешнеэкономической деятельности // Юрист. 2017. № 11. С. 22-25.

126. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза: Соглашение в рамках ЕАЭС // Бюллетень международных договоров РФ. 2016. № 8. С. 3-10.

127. Суворов Е.Д. К вопросу о месте цифровых технологий в рамках института исполнения обязательств // Закон. 2020. № 8. С. 111-124.

128. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Официальный сайт

Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017 (дата обращения 21.10.2021).

129. Ткаченко С.В. Анализ правовой позиции Конституционного Суда РФ, данной в Постановлении от 28 ноября 2017 года № 34-П, о порядке применения подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса РФ // Налоги. 2018. № 5. С. 23-26.

130. Токар Е.Я. Внедрение инструментов цифрового права в предпринимательскую деятельность в России // Право и цифровая экономика. 2019. № 3. С. 23-26.

131. Трофимов С.В. Правовое регулирование использования воздушных судов гражданской авиации. Иркутск: БГУ, 2018. 210 с.

132. Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118-147.

133. Тютяева О.А. Баланс соотношения международного и национального права на примере основы для реализации фискальной функции таможенных органов // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4. С. 165-172.

134. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

135. Удалов Д.Э. Источники правового регулирования туристской деятельности // Туризм: право и экономика. 2018. № 4. С. 7-12.

136. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (в ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

137. Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 года № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 47. Ст. 6963.

138. Ульбашев А.Х. Природа судейской деятельности в России // Российский судья. 2019. № 11. С. 58-64.

139. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP 600). Редакция 2007 года (Публикация Международной торговой палаты № 600) // Международные коммерческие транзакции. Четвертое издание. Публикация ICC N 711. = International Commercial Transactions. Jan Ramberg. Fourth Edition. ICC Publication №711E / Ян Рамберг; (пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой). - М.: Инфотропик Медиа, 2011. 896 с.

140. Унифицированные правила по Инкассо (URC), редакция 1995, публикация № 522 // Перевод на русский язык, Агентство ЭДИ-Пресс, 1996.

141. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

142. Федеральный закон от 03.10.2014 № 279-ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» // Собрание законодательства РФ. 2014. №40 (часть I). Ст. 5310.

143. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

144. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

145. Федеральный закон от 08.11.2007 № 261-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5557.

146. Федеральный закон от 09.11.2020 № 357-ФЗ «О ратификации Соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 46. Ст. 7201.

147. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

148. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. ст. 4859.

149. Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // Российская газета. № 133, 18.06.2021.

150. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

151. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

152. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 20 марта.

153. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

154. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

155. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. ст. 4006.

156. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.

157. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

158. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

159. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

160. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

161. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. ст. 1447.

162. Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7-12.

163. Хозяйственное право: Общие положения. Курс лекций. Т. 1 / Мартемьянов В.С. - М.: БЕК, 1994. 298 с.

164. Хозяйственное право: Учебник / Под ред. В.К. Мамутова. Киев: Юринком Интер, 2002. 910 с.

165. Цитович П.П. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. Т. 1: Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. М.: Статут, 2005. 458 с.

166. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 1. Введение. Торговые деятели / Г. Ф. Шершеневич. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 397 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-07829-9. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/433381> (дата обращения: 18.10.2021).

167. Шестакова М.П. Международные торговые обычаи: Инкотермс 2020 // Международное публичное и частное право. 2020. № 2. С. 9-12.

168. Шестакова М.П. О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 31-35.

169. Шиткина И.С. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 73-77.

170. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательских отношений в истории России // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 74-83.

171. Шулятьев И.А., Шкурченко Н.В. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств - членов ЕАЭС // Международное экономическое право. 2017. № 3. С. 3-13.

172. Business law / Veljko Trivun ... [et al.] ; [translation Indira Randall]. - Sarajevo: School of Economics and Business = Ekonomski fakultet, 2015. - 756 str.

173. Gatteschi V. Blockchain and Smart Contracts for Insurance: Is the Technology Mature Enough? / V. Gatteschi [et al.] // Future Internet. 2018. Vol. 10. Iss. 2. P. 1 - 16.

174. Görgülü v. Germany, no. 74969/01, judgment of 26 February 2004.

175. Hetherington S. Report of the 40th CMI Conference, Beijing 14-19 October 2012 // CMI News Letter. 2012. № 3.

176. Incoterms 2020 by the International Chamber of Commerce (ICC) // Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов М., 2020. С. 3.

177. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012.

178. Polanski P.P. Towards a supranational Internet law // Journal of International Commercial Law and Technology. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P 2. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/28672-EN-towards-a-supranational-internet-law.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).

179. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // Georgetown Law Technology Review. 2017. Vol. 1:2. P. 305 - 341.

180. Steven J. Burton. Principles of Contract Law, West Publishing Co. St. Paul, Minn, 1995.

181. Teubner G. Global private regimes: Neo-spontaneous law and dual constitution of autonomous sectors in world society? URL: https://www.jura.uni-frankfurt.de/42852650/global_private_regimes.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

182. The Hague Principles on Choice of Law in International Contracts.
URL: http://www.hcch.net/upload/wop/gap2014pd06rev_en.pdf (дата обращения:
10.10.2021).